

БЕССМЕРТИЕ

Gr. Al. de - Iwanowsky

Бессмертие

(юмор, сатира, чистое искусство)

1 9 4 7

Шонбах

Издательство «Содружество писателей «Свет»

Gr. Al. de - Iwanowsky

Unsterblichkeit

(Humor, Satire, reine Kunst)

1 9 4 7

Schönbach

V E R L A G „ L I C H T “

Только тогда

Подражание У. Уитмэну

Когда матери детей своих
Называть будут именами убийц;
Когда дети пойдут доносить на отцов
А отцы - на детей;
Когда вдовы станут ласкать палачей,
Что в застенках душили мужей их;
И не останется девушки,
Не желавшей бы страсти предателя;
Когда и в тюрьме устрашатся
Молча мечтать о свободе;
Когда, наконец, в сумасшедших домах
Станет тихо, словно в мертвецких,
И даже там не найдется-
Хотя бы безумного! -
Способного бросить проклятье тиранам!
Только тогда перестану я верить в народ мой
Только тогда! . . .

Бессмертие

Довелось мне в 19. . году сподобиться побывать в столичной образцовой тюрьме. Точно я не могу сказать, по какому поводу, ибо дела эти проводились секретно-оперативной частью министерства нутряных дел, а уж его секреты сам владыка преисподней не знает.

Да к тому же и самую эту секретную часть раза четыре чистили, блистили и стреляли, так что, я полагаю, теперь и сам министр нутряных дел своих собственных секретов доподлинно не ведает.

Возможно, что я был посажен за то, что три недели сряду не посещал кружок по изучению сенсуализма, или сексуализма, а возможно и за то, что следующие три недели сряду активно посещал его. А возможно за то, что казачий чуб носил.

В общем дело ясное, что дело темное.

В кое-то время со мною по соседству проживал агент уголовной полиции, некий Гавлюхин. Тот, бывало, придет со службы злой, как голодный дог, - наместя на уголовной работе со своими ворами, - зайдет в комнату, бросит на кровать все свои двенадцать револьверов и, не снимая пальто, к жене:

-Жрать!

Жена, щупленькая такая женщина, по имени Тося, дрожащими лапками ставит перед ним миску супа. Гавлюхин хлебнет, вскочит, швырнет ложку в один угол, миску в другой, и начинает:

-А, бабушку твою вкривь и вкось! Суп холодный . . . Ты меня ненавидишь; если бы ты меня любила, так и суп был бы горячий.

И разведет часа на полтора о любви, о супе, о непришитых пуговицах, о женской ее природе, о всем ее семействе и т. д. и т. п.

А Тося молчит в уголке.

-Ну, чего молчишь, как корова?

И хлоп ее в одно ухо, хлоп в другое. Сунет обратно в карманы свои двенадцать револьверов, стукнет дверью и - вон из дома.

На другой день вечером приходит, а Тося как следует суп нагрела, через силу улыбается, ставит на стол миску. Гавлюхин ложку к губам, побледнеет:

-Фу, чорт, суп горячий! Да ты меня не любишь! Если бы ты меня любила, то. . .

И опять начинает лекцию. Щупленькая Тося робко оправдывается:

-Да ты, милый, вчера говорил: - „холодный.“ . . .

-Ты, что это много разговаривать стала?

И хлоп ее в одно ухо, хлоп в другое. . .

Вот, други, и приспособься к такому супругу или правительству. . .

Короче говоря, не могу определенно сказать, за что я попал в столичную тюрьму: за холодное, за горячее или за казачье.

А в тюрьме сидеть, конечно, весело. Как говорят цыгане: „Мы не сеем, мы не пашем, из тюрьмы платочком машем.“

Народу в камере пропасть, человек 500, так что администрации пришлось тройные нары ярусом выстроить. Мы, чтобы не спутаться в местах жительства, нижние места на полу „метрополитеном“ прозвали, первые от пола нары - „санаторными“, а самые высшие - „стратосферой“.

Особенно веселиться, впрочем, не позволялось. Начальник образцовой тюрьмы, майор собственной безопасности Попофф, (Сославшись на два „ф“, не свалить ли все на немцев? Прим. автора) сильно глазаст и строг был. В нашей камере № 362 человек восемь сумасшедших образовалось, так сказать, на почве допроса. Ну и, бывало, поднимут свой сумасшедший шум, а Попофф тут как тут, как рывкнет:

-Это что такое, а? Мы вас кормим? -Кормим. Поим? - Поим. На прогулку водим? - Водим. А вы тут глупостями занимаетесь? Шумом? Вы что думаете, хуже нашей тюрьмы ничего нет? Горе вам, горе вам!

И повернется своей высокой фигурой к надзирателям и про-
рычит на ходу:

-Неделю без прогулок и без оправки!

Тут, конечно, вслед ему возгласы раздаются:

-Это к дождю, братцы

-К амнистии мертвым!

-Не иначе на обед отбивные по бокам будут!

И тому подобное.

Смех этот наш, арестантский, может быть, и не совсем весе-
лый был . . .

Какое уж тут веселье, когда 500 человек не имеют права
целую неделю из камеры выйти даже в уборную. И это при
восьми безумных, трех безногих, двух глупонемых, шестерых
слепых на нервной почве и одном совершенно разбитом
полиневритом.

Вы спросите, за что же сидел народ? А за всякое. Были и
всамделишные враги, а большинство, вроде меня, ни за холод-
ное, ни за горячее. Один вятский старичек-стекольщик влип
за то, что когда вставлял стекла в железнодорожном депо,
то на свой алмаз обругался:

-Холера вам в пузо с вашим инструментом! Заработаешь с
ним гулькин нос. При царском режиме алмазы сталь резали,
а теперешним и бумаги не разрежешь.

Прилепили ему „реакционные настроения“.

Другой, кочегар, сон товарищам рассказал, что будто ему
приснился чорт, а на нем главный правитель (по немецки -
„фюрер“) едет, или наоборот. Этому „дискредитацию правите-
льства“ пришили.

Третий, из писателей, стишок про черную пену написал, не
в цвет попал, ибо времена темно - розовые . . .

А казак Перептыха, который после в бессмертные то попал
и ныне в Америке в Академии Наук пребывает, с тем вот
как все стряслось.

Родом он с Кубани. Добродушнейший был человек, только
малость даром слова обиженный. А столяр преотличный.
Работал он при каком-то районном комитете. И вот, перед
праздником свержения буржуев заказывает ему комитет изго-

товить штук восемьдесят рам под портреты восьмидесяти правителей страны во главе и так далее.

Дали ему портреты, ленты, бордовые звездочки и месяцы, всякие подписи - за шесть дней, чтобы все оформил. Другому на месяц хватило бы, а Перептыха поднажал по шестнадцати часов в сутки, и ровно через пять дней все сотворил, и всех восемьдесят правителей чин-чином к стенке поставил, как в картинной галлерее.

За день до праздника влетает в мастерскую председатель праздничной комиссии - он всюду влетал - и в попыхах говорит:

-Перептыха дело есть срочное!

-Яке дило?

Герб в сажень ростом к завтраму сделать. На самый купол церкви хотим присобачить, чтобы все начальство удивилось.

-Да мне что . . . как хотите . . . Вам перед Богом отвечать . . .

-Так вот и валяй, брат Перептыха. К вечеру кончишь? Заплатим . . .

-Давай материал, сделаю . . . Только вот тесно здесь у меня: вы хоть бы эту хреновину отсюда забрали . . . Мешает.

И показывает рубанком на восемьдесят правителей.

Председатель тут и виду не подал, а вернувшись в контору сел и сочинил небольшой доносик: так, мол, и так, „столяр Перептыха великих наших вождей хреновиной оскорбил, богомолен и правительственную партию страшает ответом на Страшном суде. Отец его в старое время в станице присяжным заседателем был . . .“

Ну, и привезли Перептыху к нам в тюрьму, в 362 камеру, как важного государственного преступника. К какому-то страшному заговору хотели пристегнуть.

А он на одну ногу хромой был. В какую то из великих войн его где-то под Мелитополем в ногу ранило. И пуля там и осталась. Кость, между прочим, не раздробило, а как-то пуля словно бы ввинтилась в кость и сохранилась до самого ареста.

Просидел он у нас этак с месяц и вдруг вызывают на допрос. Глядим, что-то очень быстро - полсуток не прошло - приводят его живьем обратно.

-Ну, как, - интересуемся, - дело?

-А ничего, - говорит, - подписал все.

-Да что подписал то, мудрая голова? Может ты себе смертный приговор подписал? Расскажи толком!

А Перептыха высморкал сперва одну ноздрю, потом другую, сполоснул руки над „парашей“, достал из сундучка шматок хлеба, посолил, перекрестился на решетку и об“ясняет, прожевывая:

-Да нечего и рассказывать. Следователь спросил меня: „Ругал ты, Перептыха, начальство нашего правительства?“ - А я кажу: „Да на кой бес мне они сдались, чтобы я их ругал?“ Вин записав и еще спрашивает: „В Бога по старому веруешь?“ - „Напрасно, говорю, сумливаетесь, православный.“ Он и это записал. И напоследок спросил: „А как ты, Перептыха, возражаешь, что у вас в станице молитвенный дом закрыли?“ Я ему ответил: „Бог рассудит!“ Он записал, а я подписался. Оцэ и все.

Мы ему в голос:

-Да ты же, чудило, еще одну статью себе нажил! К чему ты еще раз правителей-то к бесам прилепил?

А Перептыха уплед свой хлеб - и ни в одном глазу колебаний.

-А я, говорит, их не знаю, они мне не нужны, и я им тоже. Следователь сказал: „Молодец Перептыха, не затягиваешь дела, в понедельник освобожу.“

-А в какой понедельник, не сказал?

-А в той, что будет скоро.

Сказав сие, Перептыха помолился, забрал с собою сундучек, залез в „Метрополитен“ и на дальнейшие наши вопросы отвечал казацким храпом.

*

В ближайший понедельник Перептыха поднялся на заре. Как всегда, помолился, покормил голубя, ежеутренне прилетавшего к нему через окно; раздал остатки соли соседям по „Метрополитену“, и часов в 9, т. е. когда, по его мнению, началась служба в конторах, подошел к двери и легонько постучал. Минуты через две подошел надзиратель, и довольно сердито спросил:

-Чего стучишь? Была оправка, какого хмеля еще надо?

-Да мне на волю надо, обещались. . .

-А в карцер не хочешь? Свяжу и отправлю!

Подождав несколько, Перептыха снял с плеч сундучек и застучал обоими кулаками. Прибежали сразу трое надзирателей. Старший крикнул в волчек:

-Чего стучишь, сволочь?

-А то, что сегодня понедельник, казали освободят, вот что!

Надзиратель открыл дверь, а Перептыха, уверенный, что его вызывают, шагнул с сундуком в коридор. Но тут второй надзиратель свирепо толкнул его ногой в камеру, и дверью отшиб к параше.

-Освободят, когда рак свистнет!

И вот тут-то смирный Перептыха мгновенно переменялся. Поднявшись с пола, он повернулся спиной к двери и каблуком подкованного сапога стал барабанить: дверь ходила ходуном, силища у Перептыхи была невероятная. Минут пять по тюрьме раздавался этот грохот, потом послышались в коридоре шаги целого взвода. . . Дверь открылась и в камеру вошел сам майор Попофф. Плотно разглаживая свои „запорожские“ усы, Попофф нежно проворковал:

-Кому это здесь не нравится?

Перептыха, нисколько не смутившись, но и без амбиции, ответил:

-Больше не хочу тут! Работать надо. . . Раз сказали освободят в понедельник. . .

Попофф понимающе закивал:

-О доме соскучился? Ну-ну, милый, давай, бери вещи, пойдем.

Перептыха подхватил свой сундучек, махнул нам ручкой и вместе с майором вышел в коридор.

Едва дверь захлопнулась, мы услышали обрывок крика-всплеска, потом какое-то сопение и рычание - и все стихло. Видимо, Перептыхе заткнули рот, заломили руки назад и унесли в преисподнюю.

*

В обед случилось чудо: впервые за все время, как сохранилась арестантская память, нам выдали каждому по крошечному кусочку трепухи. Наш староста шутя сказал:

-А что, друзья, не на поминки ли нашего Перептыхи?

Один инженер-химик, отсидевший уже не мало тюрем, сострил:

-На счет поминок, чорт их знает, а вот не из самого ли Перептыхи? Нет, кроме шуток, у них ведь хватит ума, чтобы сотворить подобное дело.

Тут кто-то еще пошутил, что и мыло-то „казацкое“ не сделано ли из родственников Перептыхи. . .

Все это, понятно, были арестантские шутки, но интересно то, что человек восемь стариков-крестьян не стали есть требуху.

После обеда инженер-химик рассказал нам следующую любопытную историю:

-Мы вот шутим на счет требушины, все это, конечно, вздор, до этого у нас не дошли еще, а вот знает ли кто из вас о существовании в городе Щ. . . . во некоего химического завода, где, между прочим, изготавливаются скелеты? И не искусственные скелеты, а подлинные, из человеческих трупов. В одном из цехов трупы опускаются в специальные чаны с каким-то химическим составом: мышцы, волокна и все мягкие части отделяются, а кости поступают в другой цех, где их проваривают сухим паром, сушат и в специальных мешках доставляют в сборочный цех.

Скелеты эти, большей частью, идут на экспорт. И, говорят, что в этой отрасли наша держава стоит на первом месте в мире: качество наших скелетов выше, чем во всех других странах. И ничего мудреного тут нет. Какие скелеты могут выпускать буржуазные и прочие страны, если у них нет главного сырья? Кто из религиозных людей даст им труп человека на издевательство? Где им взять молодых крепких покойников? Жди, когда какой-нибудь бездомный старичишка помрет. Иное дело у нас. Предрассудков нет, с другой стороны, куда девать всех мертвецов из тюрем, сумасшедших домов, больниц и прочих мест? Да и к чему добру пропадать, когда оно может послужить в деле строительства нового общества? Каждый скелет расценивается в 27 американских долларов - не шутка! Народ у нас в тюрьме молодой, крепкий, костлявый, не скелет, а редкость! Куда там твоя Америка! И возни не много. Благодаря скромного питания, наши граждане толсты не бывают, а в тюрьмах и подавно: только кожу содрать - и скелет готов. Я полагаю, что, при дельной постановке этого вопроса на сырьевых базах министерства внутренних дел, мы можем экспортировать ежегодно до полумиллиона высококачественных скелетов. . . .

Мы с интересом выслушали прелюбопытное сообщение химика и даже успокоились. В самом деле, если уж кому из нас и суждено в тюрьме отдать Богу душу, то по крайней мере своим скелетом он послужит на благо человечества.

*

В 19. . . году, перед самой великой войной, отбыв положенные мне три года (за казачье или за горячее - и теперь не ведаю), приехал я однажды в столицу закупить кое-что из питания. После тюрьмы жить мне на родине запретили, а там, где я обосновался, - на Щ. . . их торфоразработках, в 112 километрах от столицы, продуктов свободно не продавалось: приходилось за сахаром, за постным маслом и за хлебом пробираться в центр.

Купил я себе с полпуда пшена, связку воблы, того, сего и, мимоходом, зашел в центральный универсальный магазин. Поглазел в одежном отделе, купил поясok брезентовый для брюк, и спускаюсь вниз к выходу. Гляжу, а навстречу мне целая похоронная процессия: два приказчика мертвый скелет прут, а за ними сам директор магазина с каким-то, видать иностранцем и с его супругой, следуют и не по русски беседуют. Оказывается, скелет в упаковочный отдел несут. Кто-то купил, так нужно завернуть.

И вспомнил я, братцы, образцовую тюрьму:

„Эх, думаю, может кого из наших волокут?“

Машинально иду следом за процессией, стараюсь лицо разглядеть. Нет, вроде не знакомый. Понятно, без волос и без губ узнать трудно, и опять же времени много с тех пор прошло, забыл тюремную публику.

Стали спускаться со скелетом в подвал, там упаковочный отдел помещался, и тут нечаянно скелетова нога за выступ зацепилась, потому что передний приказчик сильно наклонил голову. Я, как рядом оказался, взялся помочь. Не без страха берусь за скелетову ногу. . . Глянул, други милые, а в кости Перептыхина пуля! Я аж оторопел. Ногу к своему лицу прижал и не своим голосом закричал:

-Перептышенька, друг мой! . . .

. . . Говорят, что насилу оторвали меня от ноги.

Видя мое влечение к скелету, директор универсального магазина подробно обяснил, что этот скелет, к сожалению, уже продан американской академии наук:

-Слава Богу, говорит, сплавил, за чистые золотые доллары. Вот этот гражданин из Америки, ученый их по медицинской части, из-за пули, что в скелетовой ноге оказалась, и взял. Им для медицинского интереса эта пуля требуется. Очень и очень обрадовался американец: „Такого шикарного скелета, говорит, с таким чудесным случаем с пулей на всей земле не найдешь!“

Проблема привидений и проч.

Смешная история

На днях, братушечки, я прокультурную книгу прочитал, сочинения обученного профессора по философии, под названием: „Введение в ослоразведение“.

Дитя современности.

Очень ловко, шельма, описывает! Например, напролом доказывает, что умным быть даже и теперь не лишено интереса, чем чурбаком с глазами.

И про пользу красоты. И про трех неугомонных сестер: Тезу, Синтезу и Антитезу. И хоть не складно, но умственно. Или, как утверждает сам обученный владелец „Введения в ослоразведение“, - „логически“ . . .

Конечно, я не спорю, если „вникнуть“, то логика и у алкоголиков имеется, и даже почище гегелевской, ибо в рифму:

„Кто много пьет, тот много спит;
Кто много спит, тот не грешит;
Кто не грешит, тот чист душой,
Отсюда вывод: пей родной . . .“

М . . . да . . .

А в конце „Введения в ослоразведение“ сознательный читатель агитируется к храбрости для избиения и уничтожения врагов идеи книги по пути и вообще. И клеймятся трусы, которые, сволочи, книгу прочитать - прочитают, а драться с ближними из противников не пойдут.

А в книге, между тем, сочинена глава о храбрости, где таковая поставлена в один ряд с благородными чувствами и кинополицейскими героями.

Конечно, точно, ежели-б книга продавалась бесплатно, то возможно ее никто и не читал бы, а то соблазняют крупной

ценой и тем, что дают на каждого жителя планеты не более двух экземпляров в обе руки.

И вот, я хочу, братцы, в этой главе рассказать фактическое происшествие для иллюстрации.

*

В начале прошедшей Великой войны переезжаю я пешком из Великой Таганрогщины в Великую Мариупольщину вдоль Величайшего Азовского моря. Кругом, конечно, немчишки-солдатики освободительные идеи, в обмен на крупчатку, несут и везут. А я, безусловно, на своих на двоих, ибо это нам сподручнее. Тише едешь, дальше будешь. От того места, куда едешь. Прелестно.

Без всякого внимания прохожу мимо станицы Николаевской, после революции, по постановлению правительства, Буденовской. . . Хотя, конечно, как сказал один поэт, если какое нибудь правительство постановит, чтоб дождь шел с земли на небо, то это еще не известно - будет ли он так итти. . .

Ну, да я с правителями не спорю. Ибо, как говорится; „Сделай меня начальником, а мерзавцем я сам стану.“ И еще: „Избави нас Господь от благодетелей, а от недругов мы как нибудь сами избавимся“ . . .

Значит, братцы, продолжаю итти пешеходом. Тут уж, собственно, и осталось то каких -нибудь 45 верст до Мариуполя, когда догоняет меня грузовая автомобильная машина. Понятно, останавливается. Выходит шофер и собирается надувать. Между прочим, спрашивает меня:

-Табачок есть, хозяин?

Я не оскорбляюсь на „хозяина“ и отвечаю лойяльно:

-Как не быть табачку. Я еще, почитай, в энту Великую войну, состоя рядовым Всевеликого Войска Донского, начал курить, думаю и до следующей Великой войны дотяну.

-Ну, тогда, давай сюда табак и полезай в кузов, раз назвался, дурак, груздем.

Я не возражаю, отдаю кисет и ухватываюсь за борт. А машина безусловно уже тронулась.

Людей в кузове, вроде, не много, а мест нет. Даже на гробе два военных победителя сидят, и на ходу в карты режутся.

„Вот, думаю, не иначе покойничка с таким почетом на законное местожительство везут, а я, живой человек, предмет забот

правительства, поэзии и философии, вишу на борту при движении четвертой скоростью. . . “

И продолжаю держаться за борт, поскольку уплачено табаком, а также и потому, что при падении можно разбиться до полусмерти.

А один герой с двумя блестящими наградами на груди (уже за эту Великую войну) сидит на крыше кабины, т. е. значит, над самой головой водителя машины. Посмотрел он на меня минут- с полчаса и говорит:

-Ну, уж так быть, лезь сюда ко мне, а то чего доброго под машину свалишься, шофер с дури остановится или шина лопнет, а мне некогда ждать. Мне требуется успеть сегодня же путевку в часть у наших дураков вытребовать и сегодня же срочно до позиции добраться, чтоб третью награду сорвать. . . Пока большевички драпают.

Короче говоря, человек в Бога не верует. В чорта тоже.

-Я, говорит, больше надеюсь на самого себя. И на зеленого змия.

С помощью этого героя, я повышаюсь на крышу кабинки, дышу свежим воздухом и бесплатно слушаю про фронтовые похождения. Человек, действительно, хоть куда. Если войны прекратятся, то, право, не знаю чего бы подобны кавалеры стали делать? Разве боксу их обучать, либо на кустарные мясозаготовительные фабрики головорезами?

Не доезжая верст 7 до Мариуполя, машина останавливается, и почти все пассажиры, уплатив яйцами, сходят на землю. По каким то там этическим соображениям они намерены закончить путешествие пешком. Возможно, для моциона, а возможно из-за нежелания встретиться с представителями освободительной власти и угодить в облаву и в страну национального социализма.

А картежники слезли еще раньше: по поводу обмена идей на девок и курятину. Остаются на месте: на крыше кабинки кавалер храбрости, поскольку он не подлежит к облаве, я и покойник, поскольку он лицо почти нейтральное.

Благополучно едем дальше.

Кавалер храбрости говорит по поводу ушедших:

-Шантрапа! Я шесть раз ходил в рукопашную и тридцать шесть раз ранен во все части организма, даже один раз в язык, и то не боюсь ничего на свете. Только бы война по-

дольше затянулась, да начальство наше не жульничало при представлении к наградам, так я все кресты и медали. . .

И вижу я, что в этом месте он как-будто набрал в рот поло-скания, глаза у него судоргой свело в одну точку и военная фуражка с затылка на лоб сама полезла.

Слышу и у меня машинально сердце екнуло и голова механически повернулась в ту же сторону, куда и героя.

И действительно: неземное видение узрел я, братцы: крышка с гроба неспешно подымается и встает умерший покойник, старик лет семидесяти, во весь рост! Не успел я ориентироваться, как слышу, мой сосед-герой крикнул как то по козлиному и — сиг на всем ходу с машины!

*

Впоследствии, находясь на излечении, кавалер блестящих наград, говорят, весьма сетовал на свое положение:

-Не то, - жаловался он, - беда, что я нос вывихнул и ногу переломил, врачи поправят и опять можно на фронт итти, а меня другое с панталыку сбило: почему я мертвого испугался до невозможности, ведь не слышать, чтобы мертвые кого-нибудь из живых обижали? Тайна сия меня сосет, так, что интереса к фронту лишился. . .

*

Да! Вот еще, чтобы не упустить из вида: старик, что из гроба встал, оказался, после допроса, не настоящий покойник, а чистая липа и дорожное недоразумение. Оказывается, он, старый хмель, раньше всех залез на машину, когда на ней был один пустой гроб, предназначенный для мужа шоферовой любовницы и купленный им по пути и бесплатно. А тут грянул сильный ливень. Старичок юркнул в гроб, да и уснул там под шум дождичка.

А через это потом вся упомянутая канитель и вышла со сломанной ногой, вывихнутым носом, а главное, проблемой храбрости.

Я может быть тоже сиганул бы с крыши следом за героем Великой войны, и какую-нибудь важную оконечность вывихнул бы, но в этот момент со стороны старичка сильно, с ветерком, денатурированным перегаром шибануло, а я, безусловно, знаю, что на том свете денатурку не трескают. . .

Случай в восточном полушарии

Рассказец сей полумеждународный, из быта восточного полушария. Без задней и передней мысли. Просто так: для характеристики. . .

В одном берлинском религиозном - или антирелигиозном - заведении, повесне, побелили стены. Говорят, в этих делах главное - чистота и порядок.

А помощник главного обермаляра, Феофел, закончив общую уборку, не пожелал спускаться вниз по лестнице и обратно:

- Я -, говорит, - беспартийный, ноги у меня не казенные.

А ему нужно было, по ходу пьесы, вытряхнуть пустой мешок из-под мела. И вот, чтобы не соприкоснуться с политической лестницей, Феофел высунулся для сего с мешком в окно ♦ второго этажа.

В это время по противоположной стороне улицы плыла пышная дама среднего роста с папироской, с мопсом, с квадратной прической и с благими намерениями. Когда беспартийный, Феофел квалифицированно хлопнул в воздухе мешком, так что из такового вылетели клубы белой пыли, противоположная дама вдруг, ни с того, ни с сего, подкосилась в коленках, выронила мопса, папироску и благие намерения, а потом, завизжав, словно ей за естественную пазуху свалился пожилой еж, сорвалась и подозрительной рысью ринулась за угол.

Беспартийный Феофел не обратил на сие ни какого внимания.

Этак через полчаса дама, уже более спокойной походкой, возвращается, конечно, в сопровождении двух стоеросовых благодетелей с дубинами, шнурками, кокардами, бляхами, с пистолетами, с блеском, но без треска, а церемониальным маршем. Направляются прямо в религиозное- или антирелиг-

иозное- помещение. Оцепляют его. Дама указывает им все пальчиком с тремя перстнями.

Вытаскивают из-за кулис заведующего хозяйством.

Так-с, господин комрад, давайте не будем упираться: показывайте ваши склады добровольно!

Заведующий не сознательно молчит. Повидимому, стесняется: человек все таки религиозный. Или антирелигиозный.

- Чего молчишь? Люди посторонние видели, как вы мешки вытряхивали. Не темни. Вытряхивали мешки?

- Точно так. . .

- Где то, что в мешках было?

- То уже израсходовано.

- А остальное где запрятал? Мы найдем.

- Не здесь, внизу в кладовой.

- Показывай!

*

Один из благодетелей химическим карандашом заполнил бланк протокола, а в графе: „обнаружено при обыске“ вывел: „2 мешка муки“. Кладовщик и дама, не читая, расписались. Резвая Н-ская полицейская машина, резво прибывшая по вызову к месту происшествия, увезла два мешка мела в Н-ский полицейский склад, где они, будучи опечатаны, пролежали недели четыре-пять среди иных благоприобретенных мешков с крупой, мукой, вещественных доказательств, отнятых у детей бутербродов и т. п. Наконец, совместно с прочими десятками чувалов с мукой, два мешка с мелом передали в одну из городских фабрик-пекарен.

Отбывавшие принудительные работы грузчики, высыпали мел и муку в общий фабричный ларь, а мешки вернули Н-скому полицейскому шоферу. Содержимое ларя, пройдя через сито, чтобы отделить подковы, кирпичи, окурки, было превращено в хлеб насущный, о каковом убедительно просили посетители религиозного - или антирелигиозного - учреждения. Отчасти в соответствие с этими просьбами, одна буханка из испеченного досталась той даме, что приводила стоеросовых благодетелей. От мелового хлеба, и от непривычки, дама приболела животом, стала поглащать одно лекарство за другим, а посему и вовсе скапустилась.

Не резвая машина „скорой помощи“, прибывшая через три часа после вызова, доставила даму в больницу; фельдшер

заподозрил брюшной тиф, и, на всякий случай, остриг дамские искусственные кудри; а дамская собачка-мопс, оставшись без кормилицы и не имея паспорта, погибла. -Отчего?. . . Наукой точно не открыто. Некоторые козлотородые профессора уверяют, что из-за недостаточного обмена веществ; другие подводят теорию приспособления и естественного отбора (мол, не имела собачка таких особых органов, чтобы в XX веке переживать голод); а третьи убеждают, что за грехи ее собачьих родителей.

Многие верноподданные, купившие меловой хлеб, затеяли ссору с продавцами и меж собой и пожаловались „куда следует“. Пекари, притянутые за хвост, догадались сослаться на блюстителей благочиния. Блюстители допросили 999 существ внутри и вне себя и, отлупив из них 998, добрались, следственным путем, до тех благодетелей, которые первые перепутали мел с мукой. Их с позором изгнали из корпорации и загнали надзирателями в сумасшедшее отделение городской тюрьмы, где оба впоследствии тоже малость тронулись.

Слух о том, что „к муке теперь, сволочи, распорядились примешать известь, молотые кости и всякую дрянь“ расплодился по многим городам, и это обстоятельство сыграло не малую роль в печальной истории того государства, где:

жила, остриженная под корень и лишившаяся собачки, дама, донесшая в свое время, что в религиозном - или антирелигиозном-учреждении „в такое время скрывается пропасть муки“: где полиция на всякий донос отвечает „условным рефлексом“ - схватить, отобрать, посадить;

где коридор религиозного-или антирелигиозного- заведения так и остался с незабеленной чернотой;

где, как и предполагали еще средневековые философы, беспартийный помощник обермалыра Феофел блаженствует по вечерам, погрузившись одной ногой в чтение душеспасительных строк обученных приютских философов Фурье, Оуэна и Фейербаха, а другой - опершись на денатурированный и общедоступный коньяк „Череп и две косточки“;

где живал и автор сего рассказа, написавший его с единственным желанием - мира, радости и назлобья всему существу.

Судьба

(Приключение в родильном доме)

Вот уж верно китайскими мудрецами замечено, что от судьбы не уйдешь!

Суждено было моему тестю, сапожнику, от живой жены на полковничихе жениться, так оно и вышло.

По правде сказать, к тому и примета была: с молоду любил покойный напевать:

Я не царь, я не Бог, не полковничек,
Старой мухи - полетуши полюбовничек. . .

И дело-то все из-за пустяков совершилось. Поехал мой тесть на параходе „Гроб врагам“ из Баку в Астрахань. За сапожным варом или за икрой, не знаю. Понятно, в четвертом классе. Не любил покойный первого класса „Потому-об“ яснял-упадешь с верхней полки комунибудь на голову, скажут: „Дурак первокласный!“ А в четвертом - все-таки четвертоклассный. Не так обидно“.

Ну и, понятно, в ресторане второго класса (потому, что в четвертом ресторанов не заведено) подвыпил слегка-до бес-сознания.

Известно всей планете, как наши сапожники пьют:

„Пей! Под столом встретимся!“

И, спяна-то, ползет на всех четырех по коридору. Смотрит-дверь приоткрыта, залез. Кровать нашупал, улегся.

Что там происходило - дело темное, но оказалось, что вперся-то он в чужую каюту, и всю-то каспийскую морскую ночку с полковничихой одним воздухом продышал.

Пришлось ему жениться вторично, благо что теперь не особенно придираются: кто сколько женат. . .

Потом, конечно, скандал получился и суд публичный. Обе жены свои права на тестя моего заявили. Чуть не до рукопашной. Да ладно в критическую минуту тесть догадался: как заголосит на весь публичный суд:

- Люди добрые! да к чему мне две жены? Я и с одной-то не слаживаю. Помилосердствуйте, справедливые судьи, у меня ведь выпадение кривой кишки!

Тут-то уж полковничиха и отдала концы:

- Так и сказали-бы сразу. Нечего было со своей кривой кишкой в чужую каюту лазать. Подумаешь-счастье! . . .

Ну, да это еще случай, можна сказать, нормальный, а вот у нас в астраханском родильном заведении в 19. . . году - и того чуднее произошло.

В родильном доме, известно: дамы детишек - младенцев рожают, врачи помогают им всеми силами науки и техники, а мужья на свидание приходят, интересуются:

- Скоро-ли моя мамзель разрешится? Можно сказать, пять годков женат, честно тружусь на посту бухгалтера, а до сего дня обойден судьбою, ни одного ребеночка.

Врач, понятно, успокаивает:

- Ничего, много терпели, немножко потерпите. Могу заверить: непременно родит.

- Да, что-то долго больно, одиннадцатый месяц беременности, бюрократизм какой-то. . .

- Бывает, бывает, молодой человек, судьба! У кого и сразу через пару месяцев готово, а у другого. . .

- А может, она и совсем не родит? - сомневается муженек.

- Не думаю. По теории невероятностей, должна родить. До последних выборов случались исключения, а теперь - 105 % выполнения родильного плана. . .

Ну, и вот, привозят, однажды, в этот родильный комбинат одну незамужнюю девицу. Беременна. Без мужа. Это, говорят, и до социалистических идей случалось. Причины науке не известны. Как-то обходится. Я в этом профан. Положили ее на родильную кровать. По профессии - рыбница с рыбных промыслов. В Волге и ныне рыба не перевелась.

А по соседству с рыбницей другая роженица лежала, жена капитана по сухопутным внутренним делам.

И взяли они обе, не сговариваясь, в один час родили, одновременно. Так. Лежат себе - после трудов отдыхают. Мол, кончил дело, гуляй смело.

Пришло время - несут им на подкормку, или на показ, их произведения. Подают рыбнице ребенка, как ребенка: беленький, ушки розовенькие, ножки малюсенькие, головка, все на своем месте, как полагается, славянского происхождения. Рыбница его к себе на кровать, не нарадуется.

А капитанша, как ей ребеночка поднесли, как заорет не своим голосом:

- Не мой это! Вы перепутали! Это вот ее, рыбницы. А моего вы ей подсунули!

Персонал родильный прибежал, стали проверять: а у капитанши дитенок черненький, черненький! Как несознательный китаец. Так все, носик, ручки, пупочек, на своем месте, а черненький.

Капитанша, волнуясь, доказывает:

- Разве могла я, жена почетного капитана внутренних дел, родить такого? Вы что, издеваетесь над активными роженицами? Я вам покажу, кто я такая! Позвать мне сейчас-же по телюфону капитана сухопутных внутренних дел Громулькина! Каково! В стране невидимых свобод матери не своего дитя подсовывают!

Старший врач спрашивает своих подручных:

- Может быть вы позабыли вымыть младенца, оттого и темненький?

Няни в один голос уверяют:

- Четыре раза отмывали, сулемой терли - не берет. Это мы его еще белой пудрой попудрили, а без того он, что желтая вакса.

Тут одна, сильно перепугавшаяся нянечка, побежала и по телефону в министерство внутренних дел Громулькину все донесла.

Громулькин в этот ответственный момент какого то мелкого врага свободных народов допытывал. Как услышал он про черного младенца, как запустит чернильницей в врага свободных народов, уцепился за его волосы, носом в пол тычет и рычит:

- Это вы, гады, всякую черную сволочь на одной шестой суши порождаете!

Перепрыгнул через врага, и так, без пояса и без фуражки, до родильного дома добежал.

А главный врач уже домой смотался. Вытребовали дежурного врача. Громулькин и набросился на него:

- Вы что тут ультрареакцию разводите? Знаешь-ли ты, медицинский червяк, с кем ты имеешь дело? . . .

И так далее.

Дежурный врач пенснэ снял, плечами для храбрости передернул и спрашивает:

- Собственно, извините за любопытство, это вы на счет чего?

- А на счет того, - кричит Громулькин, - что вы мне родного сына черным реакционным отребьем заменили! Под пулю меня подвести хотите?

Врач довольно смело говорит:

- Ах, это касательно сына мадам Громулькиной? Как не странно, но дитя ей вручено подлинное. А цвет - предрассудок. Мне, конечно, не жалко, я могу других, беленьких, хоть двоих выдать, потому, что у нас всегда излишек имеется, но теперь дело непоправимое. Если-б раньше. . . Подождите, я сейчас вам бром принесу.

И ходу. Громулькин стукнул разов десять носком сапога по запертым дверям, и, не теряя времени, помчался к астраханскому прокурору.

Отыскал того на какой - то вечеринке. Выслушал прокурор Громулькина, покачал головою и говорит:

- Не волнуйтесь, уважаемый капитан. Сию минуту наведем современный порядок. Это у нас бывает. Путают. На днях, заместо бандита по кличке „Вырви глаз“, кладбищенского слепого сторожа расстреляли. Фамилия оказалась подходящей: Синеглазов. Я сейчас распоряжусь. . .

И пишет он золотым пером на персональном блокноте, где черными буквами выведено:

„Старший Прокурор города Астрахани, районов и всей окрестности“:

„Директору Родильного предприятия:

Предлагаю Вам с получением сего выдать пред“ явителю сего, капитану - Громулькину, ребенка, который указан его женою. В противном случае будете привлечены к уголовной ответственности.

Об исполнении сообщите мне не позже 7ч. вечера сегодня“

- Вот, капитан, катайте, пока не поздно! А я сейчас-же с загорздравотделом переговорю, а коли что, так и следователя по важным делам pošлю.

Успокоился тут несколько Громулькин. Даже в магазин зашел и цветов большущий букет купил.

Автомобиль себе из управления вызвал, сел, и с шиком к родильному дому приехал. Звонит. Выходит няня дежурная, записку прочла и говорит:

- Обождите здесь одну минуточку, потому что сейчас уже поздно, в нутро без разрешения врача не разрешается посторонним.

И пошла докладывать. Громулькин папироску закурил, ожидает. Смотрит, а к родильному дому еще одна шикарная машина под" езжает. Выходит пассажир. Одет солидно. Тоже с букетом цветов. Видно из монголов. Громулькин и говорит:

- Я сейчас только что звонил, пошли за врачом. А вы тоже по случаю наследника? К жене?

- Да, - отвечает тот, - в некотором роде. . . Можно сказать, ошастливлен. . .

- Первый?

- В некотором роде. . . первый. . . Собственно, я. . . как-бы сказать. . .

Тут - то внезапно Громулькина и осенила роковая мысль; да так, что он впервые за всю свою жизнь по настоящему следовательский талант проявил:

- Ах, так это, повидимому, вашего ребеночка я давеча заметил, славный такой бутуз, несколько темного цвета? . . . Кажется, его мамаша Громулькина по фамилии? . .

Монгол, весь сияющий, подтверждает:

- Совершенно точно, только не Громулькина, а Тамара Владимировна Громулькина. . .

*

Не менее часа просвещенная медицина Громулькина отхаживала. Сам главный врач астраханской больницы имени Пирогова вызван был.

Когда капитана на твердые ноги поставили, и он в полное сознание пришел, то весьма твердо дал следующее распоряжение:

- Вот что: раз эта сука с желтопегим монголом снюхалась, и меня перед всеи нашей партией осрамила, то вот мое последнее завещание: всю ея одежду, что я ей за чистое золото справил, передать немедленно той девченке, которая без мужа нормального дитя родила. Это раз. Второе: на зло моей стерве, подите и предложите девице, что, мол, капитан Тимофей Громулькин желает взять ее к себе в законные жены совместно с ребенком.

Все присутствующие врачи и няни улыбаются, что так мило устраивается. Главный врач с достоинством предлагает свои услуги:

- Позвольте мне взять эту миссию на себя. . . Мы вам, дорогой, и свиданьце с невестой сейчас сварганим! . .

И не прошло 20-и минут, как от девицы, что без мужа сына родила, приходит письменный ответ:

„Уважаемый капитан.

Большое спасибочко Вам за Ваше ко мне предложение. Но мой Митя сиводни приходил на свидание к нам с сыном и оченно мы ему оба понравились. И он поклялся мне православным крестом, что забижать меня никогда не будет, и как только я из родилки выпишусь, то все уже готово к нашей свадьбе. Потому, до дитя можно было баловаться, а уж теперь, по нашему по рабочему сознанию, пора и честь знать.

Желаю вам приятного время препровождения.

Маруся Пядышева“.

Одним словом, на чужой каравай крючок не закидай!

*

Впоследствии, когда Тамара Владимировна оправилась после порождения бедного метиса, то начальство астраханского управления внутренних дел, желая наладить разрушенную судьбой жизнь своего капитана, вызвало неверную под своды своего устрашающего учреждения. Стал ее шеф усовещивать:

- Что-же вы, говорит, мадамес, не могли что-ли подыскать себе более подходящего об“екта, не столь кричащего цвета, если уж вашему любовному челну одного капитана не хватало?

А мадамес Громулькина тряхнула в сердцах своими многообещающими телесами и - в лоб ему:

- А известно-ли вам, что ваш капитан того?

Шеф, привыкший ни чему не удивляться, возражает:

- Это мне, может быть, и известно, потому что у нас 80% следователей этим страдает. Как поступит, через три месяца настоящих допросов, хоть выбрасывай его в некотором супружеском смысле. Врачи уверяют, что это именно на почве специфических допросов система разрушается . . . Я вас спрашиваю: к чему вы увлеклись желтою расой?

Мадам Громулькина, прищурившись, отвечает:

- Удивительно мне слушать ваш вопрос. Сколько народу вы извели за расовый уклон, а сами-же уклоняетесь в фашистскую расовую идеологию. Увлеклась я членом казахского Верховного правительства по той простой причине, что он человек свободный, допросами и политикой не занимается и во всех отношениях система у него нормальная. Если хотите знать, то любой пекарь, как муж, любому вашему капитану сто очков вперед даст!

На это заявление даже шеф не нашелся чем возразить. Подумал немного, постукал патроном от маузера по столу и говорит:

- Вот что, мадам Громулькина, дело прошлое. Но поскольку это касается бесперебойной работы нашего учреждения, в предлагаю вам вернуть к себе капитана Громулькина. Мы его немедленно на ремонт в наилучшую санаторию отправим и всю медицину мобилизуем. И от следствия избавим, потому что, я понимаю, ему нужны воздух и вода. Назначим его начальником всех шоссейных дорог и пожарных дел. Или комендантом по расстрелам. А вашего ребеночка, чтоб он не пробуждал неприятного рефлекса, устраним. Точка!

*

И, видно, в золотой книге судеб так было записано, что-бы не избавиться Громулькину от законной жены.

Только с той поры он ее на курорты одну не пускал, а сам всюду за нею следовал.

- Тебя, - говорил, - пусти одну, так ты мне не только желтого монгола, а негра африканского притащишь, а я потом красней перед всем международным трудящимся классом.

Тараканьи бега

(Траги-юмористический рассказ)

Счастлив тот подлец, которого Господь . . . тьфу Природа одарила мышцами, способными заменить ломового жеребца. А вот Семена Ивановича Полузайцева природа мышцами обидела . . . Но велик и закон сохранения энергии: не обладая стахановскими мышцами, Семен Иванович обладал претончайшим обонянием. Врага своего государства Семен Иванович мог распознать в темноте. И этим пробавлялся.

Одним словом, гражданин Полузайцев состоял секретным осведомителем при известном заведении.

С 19. . го года, по случаю всеобщего завершения какой-то очередной всеулучшающей и всеувеселяющей реформы, Семена Ивановича перевели на сдельщину: сорок семь целковых с нормального анти-государственного носа.

Нельзя сказать, что-бы с введением этого нового правила Семен Иванович стал зарабатывать лучше. Врагов народа, правда, появилось больше, чем самого народа, но враг пошел продувной, юркий и скользкий: мыслей своих прямо не высказывает, а норовит все больше аллегориями. Поди, разбери его: хвалит он власть или хаает?

Да, несознательный пошел нынче народец: один идет в тюрьму, а другой не хочет.

А земля вращается . . . А жить и Семену Ивановичу как-то надо. Одними витаминами не проживешь . . .

На днях Семену Ивановичу посчастливилось заудить в пивной одного молодца, поднявшего бокал за . . . Георгия Третьего. А выяснилось, что Георгия III в упоминаемом государстве и не было вовсе . . . Ну, да это еще куда ни шло, можно подвести, что-де он хотел Георгия Третьего . . . Но вот, ока-

залось, что оный монархист хронический сумасшедший. Разумеется, молодца скрутили и определили куда следует, но сорока семи целковых за него не заплатили. Так Полузайцеву в заведении и сказали:

-За сумасшедшего получай 50%, как за брак. Возня с ними только. Одной мебели на семьсот рублей, по твердым ценам, наломал, пока допрашивали. И чернила все выпил. . .

А вчера Полузайцев опять прогорел. Честь честью обнаружил близ польского посольства заядлого террориста. . . И вдруг - опять сумасшедший, страдающий манией величия. А вместо бомб - в кармане картошка, обернутая в „серебрянную“ бумагу от шоколада. . .

Одни неприятности и посмешище на все заведение. Третий заместитель начальника секретной части недовольно заметил Полузайцеву:

-Вы, чадо, помешались, что-ли, на сумасшедших? Тут, голубчик, вам не психарня. У нас в аппарате своих психопатов и импотентов - хоть пруд пруди, а вы еще всякую шваль со стороны натаскиваете. . . Работать надо, Полузайцев!

И под конец буркул:

-Посмотрю что из вас будет дальше. . . Зайдите в третий отдел за заданием.

И ни копейки не заплатил за террориста. . .

Сами они все помешались на работе. Только и слышишь со всех сторон: „работать надо“, да „работать надо“.

На днях Семен Иванович шел по главной улице, - у почтамта сидит нищий и этак жалостливо гундосит:

-Подайте, милый, хороший; копеечку калеке на хлебушко. Семен Иванович пошарил, для видимости, в карманах и извинительно сказал, проходя мимо:

-Денег нет, братец.

А нищий ему вдогонку презлющим басом и запустил:

-Работать надо!

„Сумасшедших натаскиваешь“ - ворчал Полузайцев, спускаясь по лестнице в 3-й отдел. „А чорт их разберет: кто теперь сумасшедший, а кто нормальный? Про самого вождя в свое время писали, что он - рехнулся. А любимый соратник его, тот более пяти лет в желтом доме сидел, рукоблудием, говорят, занимался.“ . . .

В третьем отделе Семен Иванович получил определенное и серьезное задание. Ему предстояло войти в близкие сношения с человеком, от которого уже два агента ушли с носом. Семен Иванович получил адреса, инструкцию, фотокарточку суб"екта и триста рублей на служебные расходы.

Инструктор отдела счел необходимым тоже предупредить Полузайцева:

-Смотри, Жучок (такова была секретная кличка Семена Ивановича), старайся. Начальник тобой не доволен. Это твой экзамен. Сработаешь хорошо, куш сорвешь, а прошляпишь, пеняй на себя.

-А как быть с расходами?

-Расходуй, не стесняйся. Овчинка стоит выделки. . . Конечно, представишь отчет. . . И не забудь, Жучок, сводки давай наиподробнее. Особенно „его“ высказывания. Возможно, в них шифр будет, нам это требуется. Смотри-ж, не спугни, а то. . .

*

В три часа дня Семен Иванович занял в ресторане „Прага“ столик по соседству с поднадзорным суб"ектом. „Тройной“ (так был окрещен секретной частью поднадзорный) оказался приветливым и даже слишком разговорчивым парнем, и талантливому Семену Ивановичу не стоило особого труда, через каких-нибудь пять минут, пересесть за столик „Тройного“.

Но не иначе, как чорт ходил по следам Полузайцева. Едва он нащупал контакт с „Тройным“, отрекомендовавшись ему матросом гражданского флота (моряки, как известно, редко склоняются к доносам и провокациям), как в ресторан вломилась целая орава „лягавых“ и агентов уголовного розыска.

-Сидеть на своих местах и не рыпаться! Приготовить документы, и кто по какому поводу здесь находится! - скомандовал рослый детина в „Реглане“.

Оказалось, что сии блюстители порядка занимались обычной операцией вылавливания прогульщиков. Известное дело, не каждому служащему отпущено природой столько терпения, чтобы отсидеть в учреждении весь день, иной и сбежит в ресторанчик глотнуть свежего воздуха и кружечку пивца. В уголовном же законодательстве ясно сказано, что самовольное оставление работы карается. Ну, а где пахнет уголовщиной и тюрьмой, там, понятно, уголовному розыску и револьверы

в руки. Разумеется, все это никак не могло касаться Семена Ивановича, поскольку он состоял на ответственной службе, и вообще сотрудники их политического заведения относятся к „лягавым“ из угрозыска с презрением и свысока, однако, не брякнешь же в присутствии „Тройного“, что вот-де я сам с усам. . . А между тем, дошла розыскная очередь и до столика Полузайцева. Рослый детина, лениво моргая, спросил:

-Где работаете?

-Во флотё, - скромно отвечивал Семен Иванович.

-А почему сейчас не на работе?

Семен Иванович не ожидал такого вопроса и замялся.

-Нахожусь в отпуску. . . по болезни. . .

-Больным надо дома лежать, а не по кабакам шляться. .
Бюлетень пред“яви.

Полузайцев нервно стал рыться во всех карманах. Агент усмехнулся:

-Наверно, дома на печке забыл?

-Да. . . - подтвердил Полузайцев. - Видите ли. . .

-Понятно! - рыкнул агент. - Вторую половину доскажешь нам наедине. А этот - тоже из сухопутных матросов? Давай пошли оба!

*

„С одной стороны, это и к лучшему, - размышлял Полузайцев, шествуя с пятнадцатью другими „саботажниками“ в окружении „лягавых“, - несчастье сближает. . . У „Тройного“ совершенно исчезнут подозрения на мой счет“.

Но, по мере приближения к аппаратам уголовного розыска, Семена Ивановича все сильнее и сильнее стал охватывать страх.

А нужно упомянуть, что при чрезмерном волнении у Семена Ивановича начинал подмигивать правый глаз. Пока, впрочем, до подмигивания не дошло, но веко слегка вздрагивало. Вступив же в мрачный коридор уголовки, Полузайцев окончательно струхнул.

На улице блюстители порядка кое-как еще сдерживали свои благочестивые порывы, но в коридоре, только за то, что Семен Иванович позволил себе по старой привычке сунуть нос в боковую дверь, он получил такой пинок в некое место, что отлетел в противоположную сторону, сильно подбив свой нос.

Агент, лягнувший Полузайцева, меланхолично изрек:

-Так и надо. Любопытному в театре нос прищемили.

Семен Иванович чуть было не открыл свои права и полномочия, но, во время вспомнив о своих обязанностях, решил претерпеть. Кстати, его обида несколько уравновесилась тем обстоятельством, что арестованный, шедший рядом с ним и нагнувшийся, чтобы поднять окуроч, получил более основательный удар в тот же пункт, что и Семен Иванович. Будучи, так сказать, в ракообразном положении, стрелок окуроч на четвереньках и на собственном подбородке, стремительно, соботвенной головой, открыл дверь, и в таком виде предстал пред грозные очи шефа уголовного розыска, что весьма рассердило последнего.

-Это еще откуда понабрали шпану? - рявкнул шеф, побагровев от натуги.

И не успели его подручные доложить дело, как, он, узрев ущемленный нос Полузайцева, крикнул:

-А ну, ты, с подбитым нюхалом, приблизься-ка!

Семен Иванович робко приблизился.

-Что это у тебя, естественно или искусственно?

-Естественно . . . - пролепетал Полузайцев.

-Ну, это дело поправимо . . . можно добавить и искусственно . . . Документы?

Полузайцев трясущимися руками протянул свой паспорт. Шеф развернул его, рассмотрел фотографию и печать, и поднял глаза на физиономию Семена Ивановича . . . И тут правый глаз подвел Полузайцева: он трижды и размеренно подмигнул.

Только этого еще не доставало! Шеф вскочил с кресла, схватил со стола тяжелую печать и со всего размаха вlepил ее в чело Семена Ивановича.

-Ах ты, стерва полосатая! Ты что мне подмигиваешь, как . . . Взятку предлагаешь?

Потеряв равновесие, Полузайцев отпрянул назад, взмахнул левою дланью и зацепил ею по губам стоявшего рядом агента в „Реглане“.

-Драться? - завизжал шеф. -А ну, в работу его, ребята!

Семена Ивановича подхватили под руки и волоком потащили в соседнюю комнату . . .

*

Примерно, через часик Семена Ивановича в бессознательном состоянии внесли в общую камеру. . .

Что и говорить, Семен Иванович не допустил бы столь не деликатного обращения со своею особою. . . но, во-первых, он был человек хрупкий, а, как явствует из служебных действий шефа угрозыска, последний не умел обращаться с хрупкими вещами, а, во-вторых, ухватив и втащив пропечатанного Полузайцева в другую комнату, ребята не дали ему опомниться и пред"явить свои права: едва Семен Иванович миновал порог, как в него полетело, по меньшей мере, с полдюжины разных канцелярских предметов, часть которых угодила именно в то место, где у Полузайцева находился центр, ведающий ориентацией во времени и пространстве, так что и этот центр и все его коллеги по управлению мозговым аппаратом в одно мгновение затормозились.

Дальнейшие „массажи“, „макароны“, „банки“ и прочее Семен Иванович воспринял абсолютно хладнокровно. . .

Прошло не менее двух часов времени, пока товарищи Полузайцева по камере вывели его из этого хладнокровного состояния. . . Несмотря на перенесенные, по долгу службы, неприятности, и отчасти даже именно поэтому, Семен Иванович не только не потерял присутствия человеческого и сыщицкого духа, но еще крепче утвердился в таковых. В самом деле, пусть-ка теперь его начальство попробует сказать, что Семен Иванович не герой! А потеря важнейшей части носа? А три шишки: одна на челе от сургучной печати и две на темени от мраморного пресспапье? А почерневшие ягодицы от сапог преподлых „лягавых“ угрозыска, вследствие чего Семен Иванович потерял человеческий облик и превратился в какого-то черногуза? А заключение в мокрой, холодной и вонючей камере застенков областной уголовки? Нет, голубчики, заплатите за все!

А если, к тому же, расшифровав „Тройного“, он раскроет политический заговор, скажем против правительства (а в том, что он расшифрует „Тройного“ теперь Полузайцев не сомневался) то. . . У Семёпа Ивановича екало сердце, как при взлетах на качелях. . . Курорт, новое обмундирование, премия, повышение. . .

Тогда этим мясникам из уголовки Семен Иванович отплатит сторицей. Узнают эти чурбаки, что такое политическое управление!

С полной верой в счастливую звезду свою, Полузайцев приступил к „Тройному“ вплотную. Он начал с того, что высказал свое гражданское возмущение по поводу повсеместно творящегося произвола, мордобоя и беззакония - в результате чего вся страна превратилась в какой-то лагерь для дефективных. Распространился на счет эксплуатации труда рабочих и крестьян. Назвал „благодетеля народов“ маньяком, высказал удивление, что его до сих пор ни кто не кокнет, и закончил тем, что лично он, Семен Иванович Полузайцев, согласен, хоть сейчас же, бежать за границу.

„Тройной“ внимательно выслушал Семена Ивановича и шопотом ответил:

-Вы поосторожней выражались бы, дорогой Семен Иванович. И у стен имеются уши. . . А через вас могу пострадать и я. Напрасно вы расстраиваетесь, спокойствие - прежде всего.

Семен Иванович с радостью заключил:

„Ага, наклеывается! Явный заговорщик“.

-Но что же делать? - с горечью спросил Семен Иванович-Терпеть, как терпят сто пятьдесят миллионов наших баранов? . . . Да неужели в нашей стране нет порядочных людей и честных борцов за правду? . . . Вы вот тоже трусите и молчите и даже избегаете быть откровенным со мною. . .

„Тройной“ таинственно проронил:

-Почему - избегаю? . . .

И, осмотревшись вокруг, тихо продолжал:

-Я предлагаю вам вступить в общество „Тараканьи бега“ . . . У Полузайцева сперло дыхание. „Тройной“ еще многозначительнее и тише добавил:

-Но общество наше весьма не легальное. . . И нужны средства. . .

Семен Иванович раздумывал минуты три, потом, как бы весь просветлевший, молча протянул свою честную руку „Тройному“. После заключения этого молчаливого союза, „Тройной“ изложил Полузайцеву суть дела:

-Кроме вас, имеются еще два компаньона . . . Мы уже сняли подвальное помещение в глухом переулке, но вблизи центра. . . Мы откроем, для видимости, артель инвалидов по ремонту мебели. . . а на самом деле займемся. . . тараканьими бегами. . .

-Я в первый раз слышу. . . Это что же секта, что ли, какая?

-Это стариннейшая и азартнейшая игра, ныне позабытая. . . Мы будем содержать несколько сот первоклассных тараканов. . . Биллиард и карты — дело скучное. А тут каждый клиент выбирает себе таракана, и на специальных столах устраиваются тараканьи гонки. Истинный клад! В сто раз интереснее конских скачек. Через какой-нибудь месяц у нас будет целое состояние. . . Ну, конечно, помимо тараканов, мы займемся и. . . другим. . .

До самого рассвета учредители общества „Тараканьи бега“ обсуждали свое предприятие. „Тройной“ посвятил нового акционера во все тайны тараканьей психологии и физиологии, описал все сорта и породы тараканов, изложил всю историю, технику и смысл этой прелюбопытной игры.

В результате, Семен Иванович был убежден, что под двойной конспирацией - под вывеской артели „Ремонт мебели“ и под видом нелегального общества „Тараканьи бега“ - существует политический центр заговорщиков. . .

*

С десяти часов утра „саботажников“ начали по одному вызывать к дежурному следователю угрозыска. „Тройного“ вызвали первым и освободили, как инвалида первой группы. Спустя минут двадцать, благополучно освободился и Полузайцев. На подобострастное „извините“ следователя, Семен Иванович даже не ответил. . .

В тот же день заговорщики встретились в одной из городских „обжорок“, а оттуда, по поручению „Тройного“, Семен Иванович зашел еще к одному деятелю, у которого и приобрел за сто целковых пятьсот штук всевозможных тараканов, заключенных в изящную шкатулку с вентиляцией.

Эту движимую ценность „Тройной“ велел Семену Ивановичу хранить до поры до времени и прикармливать по указанному рецепту.

*

Возвратившись домой, счастливый Полузайцев рьяно принялся за оформление дела „Тройного“.

Памятуя указания начальства, Семен Иванович отдельно описал так сказать методологическую часть дела: свое знакомство с „Тройным“, облаву, приключения в уголовке (последнее было

изложено с особым усердием и даже не без художественности), пребывание в камере, освобождение, свидание с „Тройным“ на воле и приобретение шкатулки. К этому манускрипту он приложил счет за тараканов на 150 рублей и моментальный снимок, на котором без труда можно было увидеть и ободранный нос героя и шишку на его челе.

Все же, что касалось высказываний „Тройного“, дословно приводилось в другом манускрипте, занимавшем двадцать шесть страниц, из которых двадцать две были заполнены историей, биологией, классификацией и тому подобным всех пород тараканов. Семен Иванович полагал, что в этом документе начальство сможет найти зашифрованную суть дела.

Шкатулку с пятьюстами тараканами Семен Иванович аккуратно перевязал шелковым шнуром, а на крышке написал:

„Вещественные доказательства по делу „Тройного“ . . .

На следующий день по утра Семен Иванович с гордо поднятой головой явился в секретную часть своего заведения и, вручив все упомянутое о „Тройном“ личному секретарю начальника, сухо и веско сказал:

-Согласно распоряжения начальника секретной части, сии чрезвычайные документы следует теперь же доложить ему, дабы во время парализовать готовящийся акт преступления . . .

Секретарь тут же отнес все в кабинет начальника и, вернувшись, передал Полузайцеву, что когда он потребуется, его вызовут, а пока он может итти.

Начальник секретной части, уже по одному тому, что Полузайцев осмелился передать свои сводки прямо ему, а не одному из его заместителей, сразу догадался, что Семену Ивановичу повезло (к тому же, секретарь обрисовал тон и гордый вид Полузайцева). Не желая дать подчиненному повода для зазнайства и чрезмерных требований о вознаграждении, начальник велел отослать Семена Ивановича.

Но только секретарь вышел из кабинета, начальник начал листать сводку, и задержался на фотографии:

„Эге! Не наши ли это молодчики так расписали „Тройного“? . . . Значит он арестован? . . . Что за дьявольщина, без моего ведома?“

Начальник прочел надпись на шкатулке.

„Выходит, арестован, вот и вещественные доказательства“ . . .

Он разрезал шнур, приоткрыл шкатулку, и в этот момент затрещал спецтелефон. Левая рука начальника осталась на приоткрытой шкатулке, а в правую он взял трубку. Но едва он до половины дослушал какое-то распоряжение свыше, как с ужасом почувствовал, что по его телу, по шее, за пазухой и в кальсонах забегали какие-то твари. Начальник швырнул трубку, глянул на свои руки и костюм, усеянные скорпионами (как ему показалось), подпрыгнул и, замахав руками, точно отбивался от пчел, завопил истошным голосом:

- Сюда! Спасите!. . .

На его крик сбежались сотрудники соседних отделов.

*

В этот же день многострадальный Семен Иванович был водворен в сумасшедший дом. Туда же угодили и его материалы о тараканьих бегах, и были приобщены к истории его болезни. . .

Коллеги и начальство Семена Ивановича, с добрым сочувствием к несчастью своего сослуживца, поведали врачам-психиатрам, что-де и до этого тараканьего бреда Семен Иванович был замечен в искривлении своего мышления, и немудрено, мол, что беднягу так тянуло в последнее время к сумасшедшим.

Шеф областного уголовного розыска, запрошенный по поводу вида Семена Ивановича, так же подтвердил, что при аресте Полузайцев вел себя буйно, бросался на всех, кусался и тому подобное. Что и арестован он был из-за своего странного поведения, которое сочли сперва за опьянение. . .

Этого удара судьбы Семен Иванович не перенес, и, со вступлением в общество буйно-помешанных, в самом деле стал бредить тараканами. . .

Впоследствии, так как Семен Иванович не проявлял тенденции к буйству, его перевели в отделение тихо-помешанных. . .

Он весьма был доволен своим положением и повеселел, но от всякой, даже самой легкой работы решительно отказывался, занимаясь весь день тем, что с изумительными настойчивостью и хитростью ловил и истреблял всякую живую тварь из насекомых, причисляя все многообразие этого царства к тараканам.

Над своей койкой он сделал краткую надпись:

Нач. Топ Овтаз.

что означало: Начальник Тайной Охраны Правительства от Всемирного Тараканьего Заговора.

Штаны, подтяжки и закон причинности

Хотя философы XX века всемирно возглашают, что „счастье не в подтяжках“, что земля вращается и что вселенная пребывает в наикрепчайшей связи, так что связь сию легко обнаружить даже между воловьими кишками и бритьем . . . - несмотря на все это, жизнь счетовода Азчермелемельстроа, мягчайшего из смертных, блаженной памяти Стефана Никитича Туфелькина (родился в 1898-м году в Туле, скончался в 194. -м году в Москве) была исковеркана и трагически оборвана именно благодаря подтяжкам и вместе с таковыми. . .

Вы скажете, что вот-де в древние времена существовали люди и без подтяжек, а жизнь их процветала на всех фронтах.

А известно ли вам, господа возразители, что древнее население процветало, извините за намек, совершенно без штанов? А по последним данным какой то Академии Наук, дамы древнего общества, говоря откровенно, даже бюстгальтеров не носили? . . Да, может быть, они и в баню никогда не ходили. И к социализму не стремились. То-то и оно-то! Умолкните!

А на чем держатся штаны? Факт - на подтяжках. Правда, некоторые присобачивают ремни, но это уж, по меньшей мере, свинство и извращение сути бытия.

Да и каким это манером в современных полупослевоенных условиях обыкновенный и скучный ремень может держать штаны? От витаминов ваших не растолстеешь! Нынче народ пошел прямой, ровный, даже у дам в последнее десятилетие замечается тенденция к исчезновению известных округлостей. А на бедрах Стефана Никитича никакой ремень не удержался бы. Худоват был покойный Туфелькин, даже от служения в доблестной отечественной армии освобожден. . .

И, наконец, вот вам последнее доказательство необходимости штанов: „Облако в штанах“ сочинения В. В. Маяковского читали? До смысла сокровенного дошли? . . . Почему оно в штанах? Потому что сии стихи о любви. А пусть мне враги футуризма приведут хотя бы раз „единый процесс истинной любви, протекавшей в цивилизованном обществе, без штанов. Да я сам большую часть своей гениальной жизни проходил в штанах, если не считать того периода, когда состоял под опекой тещеподобной организации, название которой на русский не переводимо.

Короче говоря, считаем необходимость штанов окончательно доказанной. А необходимость подтяжек механически и филологически явствует из первого доказательства: подтяжки по немецки называются „хозентрегер“, т. е., натурально -,штаны-носитель“. Это тоже ясно, как говорят новейшие философы: взаимодействие штанов и подтяжек проистекает из закона причинности и бесконечности вселенной. Точка.

Гражданин Туфелькин тоже придерживался того мнения, что, несмотря на военное время, в штанах как-то способнее.

Правда, лет двадцать с лишним тому назад появилось энергичное общество „Долой стыд и позор“, члены которого путешествовали в голем виде по городам молодой и счастливой родины, так сказать, лицом к зрителю, многочисленными членами тела своего опровергая предрассудок упомянутого стыда и позора, но все-таки в основном их идеи не прижились. . . . Голые у нас, кажется, водятся, но не идейно голые, а просто не включившиеся еще в соревновательное движение энтузиастов производства.

Что же касается Стефана Никитича Туфелькина, то хотя он в энтузиасты еще не попал, но оставался пока в собственных штанах. И однажды - а именно 26 июля 19. . . года - купил себе подтяжки. . . .

Удивляет меня, господа, ваше эгоистическое спокойствие, с которым вы прочитали: „Туфелькин . . . купил . . . подтяжки . . .“ А знаете вы, сколько стоят подтяжки? Читали-ли вы хотя бы „Капитал“ Карла Маркса, где прямо сказано: . . . „Стоимость товара определяется количеством затраченного на него труда“ . . . ?

Во-первых, Туфелькин пришел в центральный универсальный магазин в четыре часа дождливого июльского утра и записался на очередь под № 178, во-вторых, из расспросов, он установил, что еще неизвестно: будут-ли сегодня „давать“ подтяжки или

жидкость для уничтожения клопов (эта же жидкость помогает, между прочим, и для разведения клопов), а, может быть, будут выдаваться зубочистки либо мотыги для полки огородов. В третьих, накануне Туфелькин выпил четыре стакана крепкого - пятидесятипроцентного - соляного раствора, чтобы вызвать у себя температуру 38,9 для получения больничного бюллетеня. В четвертых, когда открылся - в 9 часов - универсальный магазин, то вся нумерация очереди перевернулась вверх дном, и № 367 чорт занес на голову номера 29, а десятых номеров оказалось шесть, в результате стряслась небольшая драка, а также несусветная давка, усилившаяся при штурме дверей магазина. . . Попав в центр событий, Стефан Никитич хотел было повернуть колесо истории назад и смыться без подтяжек, но супротив народного движения не пойдешь. Это тоже известно из исторических исследований незабвенного Карла Маркса, трудами коего яснее ясного доказано, что со времени появления на земле человека, миром неизменно правят производственные отношения, а вожди, жандармы и прочая челядь состоят при народе „постольку - поскольку“, и если случалось, что они рубили народные головы вообще и в частности, то не иначе, как по доброму желанию самих народных масс и согласно с производственными отношениями.

Волна народных чаяний вынесла Туфелькина несколько в наклонном положении башкою к двери, а так как противонародное движение полицейских стремилось эту дверь захлопнуть, то башка Стефана Никитича угодила в зажим, лишившись, кроме фуражки, части левого уха. Причем, какая-то реакционная стерва, уцепившись за карман Туфелькина и полагая на чужом кармане выехать в рай, голосила, словно наелась толченого стекла:

-Зарезали! До смерти зарезали, окаянные!

Какой-то молодец из задних слоев крикнул:

-Терпи, тетка! Клизму получишь - все, как рукой, снимет!

Стефан Никитич уперся ногою в теткин живот, дрыгнул, и без кармана очутился в универсальном магазине.

Так вот и учтите теперь: во сколько Туфелькину обошлись подтяжки по „Капиталу“ Карла Маркса? Стоимость их, согласно этого толкования, должна быть определена из: отпускной цены универсального магазина 8 руб. 78 коп., плюс четыре стакана раствора поваренной соли, плюс температура 38,9, плюс утерянная фуражка, плюс оторванный карман у пиджака,

плюс ущемленное левое ухо и помятые ребра и, наконец, плюс двенадцать часов затраченного времени, ибо из магазина никого не выпускали до тех пор, пока все покупатели, попавшие туда, не были удовлетворены разнообразными товарами, ранее упомянутого ассортимента. По доброте душевной, мы не считаем такой мелочи, как отлетевшие на чисто пуговицы с переднего плана штанов Туфелькина, благодаря чему ему пришлось тут же в магазине надеть приобретенные подтяжки, благо пуговицы на поясе штанов сохранились в целости.

И еще (самое главное) мы совершенно не учитываем того, что из-за подтяжек Туфелькин опоздал в амбулаторию, бюллетень остался неотмеченным и, согласно закона причинности, а также приказа народоловливового правительства, на другой день суд приговорил бы Стефана Никитича к принудительным работам сроком от трех до шести месяцев с вычетом из его зарплаты от 10 до 25 %, если-бы Туфелькин не доказал несостоятельность статьи указа более сильной статьей Уголовного Кодекса, которая гласила: „Уголовное преследование прекращается за смертью обвиняемого“ (словно и в самом деле мертвого можно преследовать.)

Да, господа, с легкомысленным спокойствием прочли вы: „купил себе подтяжки“, точно совершить это так же просто, как, например, сочинить приказ: „Автора Штаны“ и всех прочих не отдававших материалистического пудинга, а также и отдававших, но желания к тому более не имеющих, после попадания оных в наши ручки, развесить на уличных фонарях для украшения победного пейзажа“.

Да. . . Но приблизимся к Туфелькину.

Как сказано выше, в четыре часа июльского вечера Стефан Никитич Туфелькин покинул универсальный магазин и повернул в боковую улицу. Здесь он на несколько минут задержался перед окном комитета „Всякхудожник“, в котором была выставлена преогромная картина кисти одного знаменитого сочинителя героического пафоса под названием „Прием нашим старостой - президентом английского посла“. На этом полотне староста-президент имел выражение лица, сходное с выражением некоего солдата петровских времен, коему государь выдал следующее удостоверение: „Уволен по чистой за вид, приводящий весь строй в уныние“.

Толпа молча созерцала этот шедевр. Один татарин, отойдя на приличное расстояние от картины, сказал другому:

- Хороший человек наш староста! . . . Если бы в прошлом году умер, то теперь как раз год был бы.

После сказанного, оба татарина, как по команде, оглянулись и уже шопотом заговорили о вреде курения, швырнув при этом свои недокуренные цыгарки.

Обретя эмоциональную зарядку, Туфелькин свернул на показавшуюся площадь, узрел там здание неких внутренних делишек, хотел было повернуть обратно, но, спохватившись, что здание может это заметить, решил итти направо, впрочем, по противоположной стороне. Надо заметить, что с тех пор, как в здание бывшего могущественного страхового общества вселилось скромное управление разных внутренних дел, с тех пор горожане, проходя мимо упомянутого заведения, держатся, в большинстве своем, противоположной стороны улицы - очевидно, из почтения к упомянутым внутренним делам. Это легко заметить, став насупротив здания бывшего страхового общества и наблюдая движение публики. Одно время такое поведение горожан обижало управителей министерства внутренних дел, и на главных дверях его было вывешено объявление: „Сегодня в столовой сотрудников УВД на обед: суп гороховый, макароны с вегетарианской подливкой, компот фруктовый“ - из чего должно было явствовать, что существа, занимающиеся в сем заведении внутренними делами, отнюдь не людоеды, но питаются тем же, чем и все нормальные жители прискорбной планеты нашей. . . . Впоследствии, в виде доказательств благородных побуждений этого учреждения, ему было передано тушение пожаров по всей стране, а также браки, разводы, смерти, рождения, физическая культура и строительство дорог, но, несмотря на все это (т. е. на свадьбы, пожарную команду, гимнастику и младенцев), и по сию пору в сердцах несознательной части населения благородный образ УВД вызывает такое чувство, словно оно - население - то - проглотило клубок колючей проволоки, облитый чем-нибудь, имеющим касательство к ассенизационному обозу.

Что поделаешь! С глубокой древности и по сей час мудрые философы утверждают: „Безнадежно глуп род человеческий“. А Туфелькин тоже нес на узких плечах своих известную долю человеческой несознательности.

Впрочем, не все еще потеряно. В некоторых культурных странах, особенно в последние бурные годы, бурно поднимаются

волны воздушных поцелуев державе с центром на площади УВД, и надо надеяться, что, коли судьбе будет угодно внять этим жарким поцелуям, то пожарная команда управления внутренних дел не замедлит распространить свое освежающее действие и на них. Лыщу себя надеждой, что следствием этого будет то, что, по меньшей мере, на три четверти снизятся спрос и цены на штаны, к коим, как это видно из сего философского рассказа, я питаю пламенную страсть. Надеюсь, что и те из моих читателей, мыслительные аппараты которых не имеют особого желания демонстрировать собою мишени для спортивных упражнений в стрельбище физкультурной секции управления внутренних дел, присоединятся к моему мнению. Посему пользуюсь настроением и случаем произнести проповедь к моим единомышленникам:

-Братья мои! Не разубеждайте злобствующих на вас, когда вы глаголете истину о пожарных делах УВД. Не сказано ли в „Диалектике природы“: „Реальность пуддинга в его с“едении?“ Истинно говорю вам: что такое соль, как не то, что ты ощущаешь, положив ее на свой язык?.

Несоленые дураки существовали до сих пор, да будут отныне дураки соленые!

О, братья мои! Они, эти поцелуйщики и злобствующие, прозрели, но как же вы не заметили великого чуда нашего столетия? Разве не сказали правители счастливой страны при восшествии своем: „Весь мир насилья мы разрушим, и люди станут счастливы, как никогда.“ И разве не сказали они позже: „Нет, не готов еще мир к быстрой перемене, а посему да свершится чудо, и да не сбудется ничего из сказанного нами ранее“.

И это чудо воистину свершилось! Как же вы не заметили его, братья мои?

Притчею говорю я вам. Некто брел лесом и увидел на высоком суку цыгана, пилившего под собою сук. И сказал прохожий этому пильщику:

-Что делаешь ты, неразумный? Ты упадешь вместе со своим суком.

На что цыган, плюя, ответил:

-Не учи отца изготовлять детей!

И когда он, в самом деле, упал вместе со своим суком, и крепко стукнул землю своим седалищем, тот он догнал прохожего и, избивая его, еще ругался:

-Подлый бродяга, ты накликал на меня эту беду!

И поистине: кто из них более неразумен?

И вот вам заповедь: даже ради Туфелькиных боритесь, учитесь и совершенствуйтесь. Ибо, когда придет час, то кто же скажет доброе слово детям Туфелькина? Кто вернет им человеческий образ? Сироты они всяко: к смерти своей шел несчастный Туфелькин с подтяжками. . .

Глядите: вот он миновал знаменитую площадь (правой стороной, как уже сказано) и скрылся в преисподней метрополитена. . .

*

Стефан Никитич вошел в переполненный поезд метрополитена. В дождливое время каждый стремится проехать под землю, где, как известно, чем глубже, тем теплее.

Как истинные благодетели мира, большинство соотечественников Туфелькина, под руководством своего недремлющего правительства, полагая животы свои за то, чтобы все человечество могло вкушать сладостей социалистического пуддинга, мало заботилось о своей одежде. А в метро, как сказано, ехать было теплее.

Мест для сидения, естественно, не оказалось, и Стефан Никитич скромно стал у двери.

-Готов! - крикнул дежурный по станции, и поезд стремглав полетел. . .

Бурный день хлопот и борьбы окончился, цель - подтяжки достигнута; а оба эти явления - конец борьбы и достижение цели - даже у вождей человечества вызывают некую реакцию, сиречь — апатию. К тому же, Стефан Никитич очень проголодался, а потому ему казалось, что поезд движется не особенно быстро. Чтобы скоротать время, Туфелькин стал прислушиваться к разговорам, которые еще не утихли по поводу посадочной горячки.

Нервная дама с недокрашенными губами и со следами зубного порошка на плечах (пудра заменялась теперь зубным порошком и порошком от·пота ног), вращаясь, как сорока в гнезде, и отталкивая посредством этого вращения какого-то суб“екта с колючей во все стороны бородой и с метровым ящиком на спине, шипела:

-Да уберите же вы свой дурацкий ящик!

Суб“ект с колючей бородой многозначительно ответил:

-Тетка, не толкайся, а то - выпущу. С меня спрос короткий.
Я - агент дезинфе

Дама проглотила накипевшую слюну и, повышая тон, выпалила:

- Работать надо итти, а не тут с ящиками околачиваться по базарам!

Бородатый побагровел, странно заблестевшие глаза его сощ урились и он глухо прорычал:

-Сука, мать твою за ногу! Я на фронте воевал, башку всю разворотило, три месяца в сумасшедшем пролежал. . . Не раздражай меня, а то и впрямь выпущу.

Что собирался он выпустить, было не известно, но дама снизила тон, впрочем, не совеем еще поверив в безумие оппонента: дело в том, что еще во время войны появилось такое множество всевозможных контуженных и „психов“, лезших и теперь всюду без очереди, что сомнения нервной дамы имели основания.

Туфелькин перебрросил свое внимание в другую сторону: две женщины с полными кошелками обрезанных до тла костей (они, видимо, работали на колбасной фабрике) и возбужденные эти костями, беседовали о пайках:

-С первого - хлеб убавят, а иждивенцам совсем перестанут давать, чтобы все шли работать.

-Ну, вот еще, а старики-то как же?

-А стариков - на мыло. . .

Туфелькин зевнул, посмотрел на скучную лампочку на потолке, и опустил свои глаза долу: сзади него дремала чья-то овчарка, а у самых ног валялась чья-то пуговица. И тут Стефан Никитич обнаружил, что на его левом ботинке, как будто, не достает калоши.

А далее развернулась цепь умопомрачительных событий.

Туфелькин порывисто нагнулся ошупать левый ботинок. Раздался „щелк“, и новые подтяжки лопнули в самом центре. Один конец их, повинувась закону тяготения, падая вниз, задел по носу спящую овчарку. Пес, приученный к агрессии, вскочил, взвизгнул и, схватив ударивший его конец подтяжки, разом стащил штаны с Туфелькина, которые, впрочем, и без того уже спускались (за отсутствием пуговиц на их переднем плане) с согбенного ракообразно Стефана Никитича, оказавшегося без нижнего белья.

Какой-то вояка с двумя орденами и без обоих ног заорал благим матом:

-Пр-ровокация!

Дамы и девицы (за исключением студенток медицинских институтов), узревши тыл и прочее обнаженного Туфелькина, шарахнулись в угол, а какая-то старушка, уронив четверть с керосином, заголосила:

-Батюшки! Кончина света!

Весь этот переполох до крайности взвинтил и без того возбужденного пса и суб“екта с контуженной головой: первый ринулся на несчастного Стефана Никитича, а сумасшедший открыл свой ящик и вытряхнул из него . . . штук с полсотни прездоровенных крыс . . .

И тут уже все перепуталось. Ища выхода, крысы скакали по публике; публика кинулась бить окна, сумасшедший ржал, как иерихонская труба, и декламировал:

-Ура! Теперь стало лучше! И стало веселей! . .

*

. . . Доставленный в больницу, искусанный Туфелькин в тот же вечер скончался „от паралича сердца“.

Земля попрежнему вращается и закон причинности действует во всю . . .

Возмущение страстей

Потешный рассказ

Вы про собачку - кусачку г. Антона Павловича Чехова читали? Собственно, сама то собачка во плоти своей не существовала, покойный Антон Павлович, можно сказать, сочинил ее: писателем был бедолага и человеком честным при том. . . В двадцатом веке, говорят, природа по два таланта почти не отпускает, повидимому, из-за перенаселения планеты, что - нибудь одно: либо сочинитель, либо честный, за исключением, впрочем, сочинителей „героического пафоса“, - этим, повезло: ни того, ни другого.

Так вот, эта самая собачка, к которой господин полицейский чин XIX века выражал то почтение, то презрение; в зависимости от того, откуда дул ветер, - самого во плоти существовавшего Чехова пережила, даром, что сочиненная!

Да, великое дело перо! С аналитической точки зрения дело вроде плевое: бумага, чернило, да перо, невоодушевленные, дешевые предметы, продаются и в XX веке, в Европе без карточек; а вот, пропиши на бумаге собачку, ан, она и живет сотни лет!

Иные материалисты возразят, что, мол это вам - эстетам - все кажется, от чувствительной фантазии, и ничего, де, пером материального произвести нельзя, папиросы не закурить. Не произведешь? Ну - с, а вот ежели районный судья, руководствуясь своей затемненной совестью, напишет простым карандашом на пакетной желтой бумаге: „Гражданину (имя рек) по ст. и т. д. один год тюрьмы“ - так вот эти двенадцать месяцев в преисподней — материальны или фигуральны? Ага, не знаете? „За что?“ Так и дышите: „Расскажи, мол, толком“.

А нашему брату, писателю, рассказывать, хоть хлебом не корми.

Собственно, дело из ерунды началось, вроде полу - прошедшей войны. К нам, в непорочную станицу Старо-Минскую, что в самом центре мира, в великой Кубани, находится, в 19. . году прибилась одна смазливая бабеночка. Я то сам в бабах мало понимаю, но от наших станичников не раз слыхивал: „Да, Фекла бабец, что малосольный огурец“! Я очень малосольные огурцы люблю! В XX веке не умеют уже так солить их, как у Николая Васильевича Гоголя они описаны. . . Ну, да не в огурцах идея! Откуда и как Фекла у нас в государственном имени „Красный бугай“ оказалась, точно не известно. Историки после следующей великой войны выяснят, если живы́будут; они на это мастера: распишут - сам на себя заплачешь.

Простой народ поговаривал в станице, что мужа ейного на шесть лет куда-то на исправление отправили за две тысячи граммов казенной кукурузы - будто бы он ее не в добрый час из прогнившей от дождя копны добыл, а начальство толковало, что за халатное отношение: конокрадом будто бы был, так где то кобылку ночью со двора украл, а жеребенка прихватить забыл: известно, глупый жеребенок ржать неимоверно без мамкиной титки начал, хозяин проснулся и т. д.

Устроилась смазливая Фекла при „Красном Бугае“, работает: в кочагарке воду ручным насосом накачивает, или выкачивает. Труд, конечно, ее облагораживает. Муж ее в Сибири исправляется, уже четвертый год, осталась самая малость. За год исправят: конвой там надежный, приклады ореховые, помогут. А у Феклы еще трое ребятишек было с собой: даром, что красючка, а все от одного мужа. Случай не естественный.

А чорт, известно, не дремлет; того не сознает, проклятый, что дело его потенциально конченное, все равно угодит в ад по скончании света. . . И ведь видит же, сатана, что век от века на свете прогресс в гору прет, люди об“единяются, друг друга уже не жарят на вертелах, как в дикие времена; братские лиги наций создаются; книги о добрых делах иногда печатаются; договоры о взаимном нападении составляются; даже газеты о справедливости упоминают; писатели иногда свободно и живьем по земле расхаживают. . . А ведь давно - ли, в средние века никак? - Джордано Бруно на костре живьем изжарили? Словом, все, так сказать, вплотную подходят к неогуманизму, недемократизму и атомизму. Так нет, дьявол гнет свою линию: кого бы в грех ввести? А завхоз имения „Красный Бугай“, Сластогубочкин, от роду

65 лет, человек в полном расцвете неосоциалистических сил своих, заходит однажды в кочегарку. А бес уж, видимо, его там подкарауливал. Только Сластогубочкин зашел, а чорт и внушает ему:

- Вот тебе, Егор Павлович, бабочка! Так прямо сама в рот лезет. Не зевай, а я тебе сейчас и случай дам для завязки.

И подталкивает к нему Феклу со словами:

- Егор Палыч, как же мне быть то? Трое малых ребятишек, а директор наш мне в угле отказывает. Говорит, мало работаешь еще. Морозище, детвора вся перехворала.

- Да, - отвечает Егор Павлович, - правило такое, ничего не попишешь. . . .

И нагнулся к ее розовому ушку, взял за кругленький локоточек и говорит:

- А ты вот что, Фекла, как работу кончаешь, набери здесь в кочегарке кошелочку уголька, тебе на пару разов и хватит. Я тебе разрешаю, так и быть. Когда - нибудь и ты мне что-нибудь поможешь. . . .

С этого дня Фекла стала домой с углем приходить.

Этак дней через пяток, как то по вечеру, Егор Павлович навещает Феклу в ее апартаментах. Подвыпил где-то и зашел. То, да се, „мороз ноне шибкий“, а сам все ближе, да ближе. И предлагает ей, значит, полюбовный союз. За талию уже обнял и на предмостное кубанское укрепление хочет ее опрокинуть. А Фекла и залепи ему, да не по европейски, перчаткой по носу, а по казачьи, так что у него даже четыре параграфа сельско-хозяйственного устава из головы выскочили, а он их, между прочим, наизусть знал.

Короче говоря, ушел Егор Палыч недовольный. Может быть, на этом все и обошлось бы, Егор Палыч в другой раз зашел бы в надежде, что не сразу Москва строилась и т. д., а тут вышло так, что про неудачу Егора Палыча по станице слухок прошел: подслушивал ли кто, или сама Фекла где нибудь брякнула, или еще как, а прошел. При таком положении, мужчине все дороги к наступлению отрезаны, да еще и позор. Заскребло самолюбие Егора Палыча, и порешил он дать Фекле урок.

У Сластогубочкина в Старо-Минской рабоче-крестьянской полиции свояк служил. . . Названию „рабоче-крестьянская“ не удивляйтесь, правильное название. Бывает же кафе „писательское“,

где писатели обычно собираются, или таверна „Три бродяги“, где они, значит, и выпивают, а в камере Староминской полиции, обычно крестьяне и рабочие обретались . . . Да . . . И говорит однажды Егор Палыч своему свояку, после осьмого стакана московской горькой: „Так, мол, и так, сослужи службу нашему государству: Фекла Огурцова каждый вечер из кочегарки уголь таскает.“

Полицейский — животное известное, размазывать ему много не надо - только зыкни, как пес на кошку кинется.

На следующий день, после работы, прихватила Фекла кошелочку с углем и бредет себе домой. А итти ей через базар. Идет она себе, высчитывает, сколько еще месяцев мужу исправляться, а свояк Сластогубчикина из под земли перед самым ее носом и вырос:

- А ну-ка, гражданочка, что у вас, извините за любопытство, в кошелочке? Ага! Откуда? . . . Ничего, ничего. Пойдемте в отделение!

В отделении - уголь на весы: четыре кило ровно. Протокол. И, между прочим, когда Фекла уже расписалась в том, что у нее четыре кило угля обнаружено, и самое ее в камеру препроводили, то свояк Сластогубчикина ставит перед цифрой 4 еще палочку — получается 14. Это уже не собачка Антона Павловича Чехова, та хоть читателей за нос не цапает, а за 14 килограммов государственного угля, по преискуранту тех „самых счастливых“ краев, полагается один год тюрьги. 4-же кило на год не тянут, только штраф, кажется, на первый раз . . .

Народы мира братские руки друг другу протягивают; сочинители героического пафоса, в писательских кафе, о гуманизме при социализме рассуждают; великие отцы народов разрабатывают гениальные программы всемирного человеческого братства имени „Цап-Царап“; сообразительные редакторы мужественно возводят панегирики собственным своим благодетелям, а цензоры, не бояхося риска, все сие пропускают; обученные мудрецы на философских конгрессах анализируют причинную и беспричинную связь между курицей и яйцами; тетерева, сидящие на верхних ветках, с умилением взирают на то, как охотнички подстреливают ниже сидящих; я в это время, от нечего делать, тюрьмы избежал, и на великой Кубани, на задних планах, дурачком притворяюсь, чтобы в непобедимую армию не угодить (страсть не переносу шума! так животом маюсь - стихов писать не могу), - а дело Феклы Огурцовой своим чередом идет и прямо в суд станицы Старо-Минской

попадает и к справедливому разбору на ближайшую субботу назначается.

Забыл упомянуть: когда Феклу на казенные харчи определили, то детишек ее, со строгим приказом: „беречь пуще глаза“, определили к соседке Лукерьи. У Лукерьи, правда, своих было четверо, но в хате еще свободно, потому что ее супруг и брат в непобедимой армии воевали: один старшим лейтенантом, а другой просто так, непобедимым бойцом (впоследствии утоп при наступлении в обратную сторону от противника.)

В четверг муж Лукерьи внезапно является домой. Не то чтобы совсем полным старшим лейтенантом, а, так сказать, на две трети: без оконечностей ног и на костылях. В отпуск после лазарета. Видит - детишек прибавилось в семье.

Лукерья об“ясняет суть дела: „Сами, мол, сидим на четырех-стах граммах, а тут еще чужие - не откажешь же детям в куске хлеба“. Выслушал старший лейтенант всю историю Феклы Огурцовой, раздал сахариновые пряники всем детишкам поровну, и, на другой день, шествует на костылях в отделение министерства внутренних дел. Там у него тоже свояк работал - уполномоченный государственной опасности. „Так, мол, и так, ни за что бабу упекли“.

А уполномоченный внутренних дел на полицию зуб точил: - почему-то по всем тем счастливым краям внутренние дела с полицией на ножах, вроде междуведомственной конкуренции. Поговорили, обсудили, уточнили, уполномоченный и говорит: - Ну, что ж, действуй, Федот,! Я помогу. Я им, сволочам „лягавым“, покажу, где тюлени зимуют. . .

Наступает день суда над Феклой. Вся станица, собственно, почитай, одни бабы, - собралась в зале суда. Выслушал суд Сластогубочкина, его свояка, самое подсудимую - все ясно. Суд удаляется на совещание, и через какой -нибудь час возвращается обратно и вычитывает приговор: „. . . за кражу 14 кил государственного угля. . . по приказу, по указу. . . один год тюрьмы. . .“

И тут то вдруг и разрывается бомбочка: выходит из публики старший лейтенант на костылях и громко кричит:

- Это вы что же делаете? Мы на фронте воюем, башки за вас кладем, а вы тут по тылам охальничаете и с бабами сражаетесь? Безвинных работниц в тюрьмы сажаете! . . .

Разошелся, дрожит, костылями стучит. Народ в волнение пришел, суматоха. Председатель суда кричит, стуча чернильницей:
- Арестовать его!

Полицейский сунулся было, а старший лейтенант вынимает „наган“ - и под нос ему:

- А ну-ка тронь! Имеешь ты право по закону меня арестовывать, а? Брысь отсюда!

А между тем, в связи с некоторыми приключениями, в тех краях приказ был: военного командира может арестовать только военная власть или военный прокурор.

Полицейский — ходу. Народ тоже на улицу высыпал - чего бы худого не случилось. Старший лейтенант приказывает Фекле:
- Ты тоже не вертись здесь, марш домой!

А тут уж председатель суда в отдел внутренних дел и военному прокурору раззвонил по телефону. Являются вскоре уполномоченный МВД (своjak старшего лейтенанта), военный и гражданский прокуроры.

И начинают все поворачивать в противоположном направлении. Выясняется, что директор „Красного Бугая“ преступно не давал угля чернорабочим, в том числе и Фекле Огурцовой, и вообще проходимец; завхоз Сластогубочкин совместно с директором народные деньги растрачивали, пропивали, проигрывали; начальник Старо-Минской полиции взятки брал и с разбойниками в великодушной взаимности состоял; что Фекла несла не 14, а 4 килограмма и т. д. Словом, повернулось колесо в обратную сторону, да, видимо, давно не вращалось - на оси несколько разбухло, либо заржавело - при повороте слегка и самого старшего лейтенанта зацепило: его в скорости, с хорошим документом на руках, препроводили в ростовский военный отдел, а туда (с другими руками) другую аттестацию послали: мол, старший лейтенант - бунтарь, опасен и законы советские не исполняет, в народном суде при черном люде кашу заварил, и оружием государственным размахивал. . . О судьбе его я расскажу какнибудь в другой раз.

Феклу на сей раз освободили из под стражи, так как выяснилось, что было не 14, а 4 кило, однако, вследствие того, что она по 4 кило не один раз брала, постановили дело передать на доследование.

Директора „Красного Бугая“, Е. П. Сластогубочкина, начальника Старо-Минской полиции, до разбора их дела в суде, от

обязанностей своих отрешили, иначе, они благополучно переселились в С-скую губернию, где и ныне в тех же самых должностях или на вершок повыше. Точно не знаю.

Представитель сатаны, возмущавший страсти в Старо-Минской, сам себя произвел в маршалы и, получив назначение свыше, перелетел. . . никак в какую то подкомиссию какой то международной комиссии по ловле собак, служивших в армии противника, и ныне, несмотря на то, что дело его ясно проиграно (угодит, окаянный, в вечный ад при скончании веков), под"ялдыкивает добрых христиан „поднажать“, „закрутить“ и т. п., а те, не разобрав дела, частенько поплевывают в свой борщ, который им же и придется расхлебывать.

Да, забыл! Вас, поди, главная загвоздочка и соль рассказа интересует: получила -ли Фекла уголь? Угля, кажется, нет, а бумажку с распоряжением получила. Да как -то дело там от -чего - то затянулось, а тут лето обозначилось. . . А летом и без угля жить благостно: соловьи, которые еще уцелели, заливаются, бабочки, мотыльки и стрекозы в голубой атмосфере реют; тщедушная пискарь - рыбка и та славит повсеместное благорастворение воздушей; детвора босоногая в женитьбу и в войну играет, достойно подготавливаясь к будущему. . .

Будильник

У нас, на заводе „ЗИП“, в сборочном цехе, где будильники-то окончательно собираются, работала бывшая крестьянка, Пелагея Затырмякина. В селе она почему-то не обогатилась-муж ее председателя правления „Мурзилкой“ обозвал, а тот его за это на три года в острог упек. . .

-Потому, говорит, я от тебя все, даже матерную брань снесбы - ну, а за „Мурзилку“ простить не в силах. Лучше бы ты меня паршивой свиньей назвал, и то не так обидно было бы. . .

А „Мурзилка“ - это у нас такой журнал выпускался. Пропотешное. То, говорят, бывает смех висельника, а это можно назвать смехом разбойника. . . Словом, не повезло бабе; выкурили ее из деревни. Вот она у нас в цехе и работала по квалификации: „куда пошлют, поднять, да бросить“.

А детишек - четверо пацанов - запирала в комнатушке. Спички, понятно, прибирала.

Пелагея, видимо, и до „мурзилкиной“ беды особым рассудком не располагала, а после этой истории-и последнего соображения лишилась.

А детей своих сильно-крепко любила. День на заводе мается, а ночью дома требуху стирает, да варит. Туговато бабенке приходилось. Жалованье, известно, - по труду, потому что до полного рая у нас еще не дошли, когда каждому будет по его потребности, а пока она получала оклад 85 целковых. . . Ну, конечно, заем. . . Хотя он и добровольный, да ведь как же откажешься?. . .

У нас за заводом, в поле, цыгане табором стояли, так и до них наши активисты добрались. Очень удивили цыган! Когда секретарь профессионального комитета, Дандюлевич, им речугу произнес о том, что государство, де, призывает давать ему

взаимы, то один старичок- цыган от всей своей цыганской души поразился:

-Сто лет, говорит, живу, а в первый раз слышу, чтобы какое -нибудь государство у цыгана взаимы денег просило . . .

Ну, а все же и он подписался на заем. А Пелагее- то где там отвязаться! Приходилось и ей одолжить государству. При полном рае, мол, рассчитаемся . . .

И вот, однажды, в сутолке, да в заботах, да при скудном своем уме, и забыла она, уходя на завод, спички спрятать. Только она ушла, а ребяташки — спички в руки, и давай на шестке огонь разжигать. Задумали кукурузную мамалыгу стряпать. А трубу открыть не сообразили. Дымище, понятно, повалил ужаснейший, чуть не задохнулись, благо, догадались в сени выбежать, да дверь в комнату закрыть . . .

Короче, приходит Пелагея, а на дворе скандал, управдом матушку вспоминает:

Ты, кричит, - дура безумная, со своими щенятами спалить нас всех хочешь? А я потом отвечай за всех? Вон из дома! . . .

Ну, и так далее. На первый раз оштрафовал он Затырмякину (умолила, в ногах валялась) на пятьдесят рублей, а официальным приказом обязал ее в течение трех дней забелить всю копоть в комнате. Под страхом выселения.

А до получки еще с неделю оставалось. Что делать? Занять такую большую сумму на заводе не у кого, а выселяться с детворой тоже нельзя: на дворе хоть и весна, а холодно, дождь, грязь.

И решила Пелагея на уголовное дело. На заводском дворе, почитай года три, большущая гора извести лежала. Много, конечно, не возьмешь, в конторальной проходной могут заметить, а килограмма полтора пронести можно. Затырмякина перво -на перво принесла на завод свой испорченный будильник, изготовления времен Александра II. Упросила одного слесаря из нашего цеха тайно починить. „Мол, продам будильник, часть штафа заплачу.“

Будильник, значит, чинится, а Пелагея, как смена кончается, накладает за пазуху извести, и идет домой. Если бы была по-смазливее, то может быть в проходной будке кто -нибудь из охраны и пощупал бы ее за дамское место, ну, а она проходила. Раз принесла - полторы стены побелила, другой

- еще полторы, осталось побелить всего один потолок. В третий раз к извести прибавила Пелагея и отремонтированный будильник. И все это у ней за пазухой поместилось.

Кончилась смена, Пелагея, с гущей народа, чтобы риска меньше, подходит к контрольной будке. А охранник не пускает:

- Что, аль не читала об'явления? Сегодня общее собрание в заводской столовке. Вертайтесь обратно. Явка обязательна. А то вас, чертей, век не соберешь!

Делать нечего, вернулась назад. . .

На собрание явились все сто процентов. Часам к шести почетный президиум проголосовали, потом всамделешный, по списку начальства; потом директор речь о плане внушал, - еще часа полтора прошло. Жарища в столовке, духота - нестерпимые.

Смотрю, моя Пелагея (я с ней рядом сидел), то все вздыхала, а то как подпрыгнет, подпрыгнет, точно ее кто шилом в спину тычет.

-Ты что, спрашиваю, скачешь, будто тебя коты за сахарницу скребут?

- Ох, проподаю, мочи моей нет! Жгет, окаянная! Всю грудь спалила. . .

А тут как раз очередь высказываться секретарю профессионального комитета Дандюлевичу подошла, который цыган-то на заем сагитировал. Такой краснобай был - чего хочешь докажет! Поднимается с места и начинает:

-Плохо мы с вами работаем, не по сознательному. Мерзавцы, шкурники, вредители между нами завелись! . .

Тут, понятно, все мы попритихли, ждем: кого называть станет? А секретарь Дандюлевич вынимает из стола новенький будильник, поднимает его на уровень своих глаз и продолжает:

-Это вот что такое? А? Это, уважаемые рабочие, производство сборочного цеха под руководством мастера Пилюлькина. Это он такие пилюли нам отливает. Вот, глядите: будильник происходит от слова „буддить“-значит, он должен будить наших людей, сознательных строителей мирового счастья, например, на работу, что бы они не опаздывали и в лапы судей не попадались за прогул. Это ясно. А мастер Пилюлькин выпускает такие будильники, что они, вообще, ни по какому поводу, не звонят. . .

И берет секретарь Дандюлевич, и заводит будильник: без пол минуты на восемь, что бы, значит, через пол-минуты он зазвонил.

- Видели все?

Ставит будильник на стол перед президиумом.

-Ждите теперь хоть до второго Христова пришествия, все равно звона от него не дождетесь. А почему? Потому что мастер Пилюлькин и сборщик Коптюлькин гонятся за длинным рублем, потому что они рва. . .

И в этом-то интересном месте вдруг раздается на весь зал:

-Тррррррррр ррррррр! Тррррррррррр -ррррр! Тррррррррррррррррррррррр!

Словно не будильник, а трактор.

Секретарь Дандюлевич от неожиданности тут же в суфлерскую будку провалился.

Глядим, а Пелагея Затырмякина, как вскочит, как заголосит:

- Караул, горю!

И разрывает она на себе последнюю кофту, а из -за пазухи известь вываливается и будильник с окаянным трезвоном.

*

Через месяц суд показательный состоялся, все в той же заводской столовке. А до этого Затырмякина в тюрьме содержалась: следователи все пытались под нее мину подвести: не злоумышленно ли она своим царским будильником рабочее собрание сорвала, как жена антигосударственного хлебороба?

И не миновать бы Пелагее десяти лет сибирского лагеря, да только на суде вся публика животы от смеха надорвала, когда Затырмякину и свидетелей допрашивали.

Сам председатель окружного суда, который, говорят, и на курорте-то не смеялся, и тот от смеха закатывался, так что раза три заседание прерывалось.

Ну, и по смешному делу неудобно было много дать. И приговор Пелагее вышел мягкий: всего только один год заключения. . .

Старичек-цыган, тот самый, что на государственный заем поражался, очень правильно выразился по этому поводу:

-Счастливая баба! Клянусь карим жеребцом в яблоках! Что такое теперь один год тюрьмы по сравнению с ее жизнью на воле? -Прогулка! Коли жива будет, один год в тюрьме для нее быстрее рысака пролетит! Один год: май, июль, сентяп, октяп, тяп, тяп — и май!

О вреде книг

(Из анекдота и биографии)

Слышать, в последнее время, после отмены Творца, Парнаса и вообще „потустороннего“, сильно много жулья развелось на планете. . . .

Оно, если резать правду - матку, воровство и в прошлых веках случалось, и даже, помнится, несколько случаев со взломом. . . . Но ныне, говорят, жулик укрепился идеей относительности добра, а особливо зла, а уж таковские идейные люди, известно, народ горячий, береги карманы!

А все, я полагаю, через книги. Уж очень много книг напечатано, так что самый разлюбопытный и долгоденствующий читатель не в силах прочесть наиболее из них классические.

Поэтому большинство широких и узких масс читает всякую всячину, что попадает под руки, не добираясь до книг душе-спасательных, уму и сердцу полезных.

И, безусловно, надо бы процентиков 99 книг пожечь. А чтобы в одном месте много дыма не накапливалось и дабы мировой пожар не приключился, а также, чтобы не помешать публично-уличному движению, - предложить каждой современной державе, впервых, сжечь, хотя бы те книги, которые ей не нравятся, и, так сказать, не совместимы с ее территориальной нравственностью.

И впредь оных книг не печатать.

И вообще всех иронических писателей зарегистрировать в арбайтсамте, например, под графою „письмоводитель“.

А там - то уж все пойдет, как по прованскому маслу — между регистраторшей и так далее. . . . Некоторые государства сразу начинают с тюрьмы, чем дают повод прочим державам подымать вой: „Вот, мол, варвары, замучили писателя“. . . . И т. п.

А сообразительные поступают деликатнее. Не придерешься „Не соблюдал правил всеобщего трудового . . .“ и т. д. А труд, как воздух, без него современник враз помирает!

А если другой писатель - хитрец и соблюдает „правила всеобщего трудового“ и т. д., то, просидев неделю, другую письмоводителем, попереписывая в течение 8 - 10 часов в день, например: „Фактуры на туалетную бумагу“ или „Сведения о рогатом скоте“ — на вечно потеряет охоту к какому - бы то ни было писательству. Опротивеет, письмо родной матушке писать не захочется.

И все как - то получится почти благородно, а главное назидательно.

А те сочинители, которых освободят от „правил трудового“ . . . и т. д., естественно, по гроб жизни будут благодарны своим правительствам и, определенно, иронических книг писать не станут. А то, повторяя, через обилие книг на планете, получают весьма траурные недоразумения. Например, в нашем беспорочном граде Ново-скотопригоньебурге.

*

В 19 . . . году, в непорочном городе Новоскотопригоньебурге прогрессировал некий полезный институт под вывеской „Институт рогатого скота“. Пардон, это совершенно не вымысел, т. е. на счет вывески. Может быть, она и по сей час висит.

Под вышеотмеченной вывеской обучались живые студенты, хотя и принадлежавшие к системе млекопитающихся, но не к рогатым. Впрочем, не спору, возможно, что были и исключения.

Окромя изучения копыт и причин появления на свет телят, осят и тому подобного, в институте проходили иногда и историю мировой литературы. В учебнике по оной упоминались: Шиллер, Шекспир, Гете, Тургенев, Горький, какой то Блюдооблизберг и Уренберг, а, например, Достоевский и Л. Андреев не попали. Рылом не вышли. Собственно, чем именно не поразили эти два счастливые покойника хозяевам свободной диктатуры — не знаю. Не поставили в учебниках, да и все. Как говорится: „Хозяин знает, что кобыле делать“.

А между прочим в институтской библиотеке сочинения Леонида Андреева имелись. И хотя студентам их не выдавали, но, видимо, кое - кто из учащихся о Л. Андрееве слыхивал. Молодежь завсегда любопытная.

И вот, однажды, библиотекарша хватилась, что книг Л. Андреева, которые были в одной пачке связаны, на месте, под прилавком, нет. Исчезли.

В чудеса в тотальных странах не верят. В домовых тоже. Библиотекарша заявляет о пропаже директору-фюреру института рогатого скота, г. Самоаферр. Тот назначает местное расследование. Выясняется, что, во-первых, книги вредные, а, во-вторых, что их украли между 6 и 7 вечера такого то числа и месяца. Превосходно. Далее устанавливается, что в эти часы в библиотеке получали книги студенты 3-го курса аудитории Б. Директор Самоаферр, чтобы не выпячивать вредного писателя Л. Андреева, как - бы между прочим, заходит во время перерыва в аудиторию Б. Поговорил о том, о сем, об успеваемости, о пользе утренней гимнастики и т. п. и, перед уходом, как бы вскользь, обращается к студентам:

-Да, чтобы не забыть, — во избежание неприятностей для всей аудитории: кто то из вас должен чистосердечно явиться ко мне в связи с историей с сочинением Л. Андреева. . .

И ушел. Однако, никто чистосердечно к нему не явился. Тогда (как это заведено во всем мире), директор-фюрер начинает вызывать по одному подозреваемых.

-Мне все известно, студент Трясогузкин, поэтому не упирайтесь. Вы имели прямое отношение к Л. Андрееву. Давайте сюда, я обещаю замять дело.

Студент Трясогузкин, как об этом и фамилия его намекает, безусловно, перепугался до расслабления желудка.

-Честное юношеское слово, ничегошеньки не знаю. . . Честн. . . современное. . . Л. Андреев? - Слыхом не слыхал. Какие там сочинения, лекции не успеваю прорабатывать. . .

Вызывают другого, Полуселедкина:

-Что это вы, голубь среброкрылый, нашкодили, а гражданского мужества сознаться не имеете? Куда девали Л. Андреева? На вас прямо указывают ваши товарищи, что вы замешаны в чтении Л. Андреева.

Полуселедкин от неожиданности шкаф затылком потревожил, побледнел, как чистая простыня, нос забыл утирать:

- Не. . . не читал, не сочинял, ей Богу, тьфу, клянусь великим. . .

-Это кто -нибудь еще. . . Может быть Блудодеев, он стишки под Верхарна пишет. А я не, не. . .

Призывают Блудодеева, а тот, не дожидаясь вопросов, прямо с порога заявляет:

- Я уже узнал, что вы подозреваете меня в том, что я сочинил вредный пасквиль на наше уважаемое руководство во главе с дорогим Андреем Леонидовым? Это стерва Селедка на меня наклеветал? А только он сам контрсовременные стихи в уборной читает!

И выложил на директорский стол фунтов восемь стихотворной продукции. . .

Тут только директор института рогатого скота сообразил, что дело не в ту сторону загнулось, аж весь покраснел от удивления и досады. Выскочил из кабинета и — бегом в аудиторию „Б“. Остановил лектора про телячьи копыта и, едва владея собой, вопрошает:

- Студенты, чьему мелкобуржуазному перу принадлежат сочинения: „Сашка Жигулев“, „Царь голод“, „Рассказ о семи повешенных“ и т. д.?

В аудитории кладбищенская тишина.

-Так неужели же никто не знает?

Аудитория в разнобой отвечает:

-Не знаем. . . Нет.

*

Сие событие так подействовало на образованный мозг директора-фюрера Самоаферр, что он не выдержал и (даже не поругавшись с супругой) в тот же вечер отправился в общедоступный Новоскотопригоньебургский ресторан „Фантазия“ на предмет химического об“единения с зеленым змием супротив надвинувшейся на директора-фюрера хандры.

В ресторане он встретил случайно своего однокашника по историческому факультету, ныне подвизавшегося в роли уполномоченного нескольких букв, Андрюшу Мороз с двумя дородными дево-дамами, тоже порядочно подвыпившими. По предложению обаятельного Андрюши, все перешли к общему столику, и, прежде чем сесть, выпили „за дружбу“ по бокальчику „ерша“.

-Вот удивил, Саша! -радостно восклицал Андрюша Мороз, -ни разу тебя здесь не было видно. Ты ведь институтом управляешь?

- С расстройства, брат. У меня, Андрюша, на третьем курсе никто из студентов не ведаёт про Леонида Андреева. А? Каково? Представь себе — никто! Не слышали „О семи повешенных“ . . . Это уж, брат, чорт знает что!

Директор-фюрер ударил кулаком по столу и прослезился.

-Давай выпьем!

Выпили еще по две. Обаятельный Андрюша Мороз и говорит:

-А Ты, Саша, спросил, так сказать, видных, активных, ну, что ли классных заводил?

-Как же. . . Трясогузкина, Полуселедкина, Блудодеева - лучшие из лучших. Нет! Уйду я из института. Стану, например, заведующим родильным домом. Не так обидно. Эх, Андрюша, Валечка, Мусик, друзья мои, к чему мы учились? . . . Выпьем по единой. . .

*

На следующее утро, кроме директора-фюрера Самоаферр, в институте рогатого скота отсутствовали студенты: Трясогузкин, Полуселедкин и Блудодеев. Директор освежался дома огуречным рассолом и нашатырным спиртом, а три упомянутых студента, около трех часов ночи, были согнаны с теплых постелей институтского общежития и увезены посредством вместительного автомобиля имени Черного орла, или ворона, в новоскотопригоньебургское управление. . . и т. д.

Опрос производил лично обаятельный Мороз. Собственно, каждому из задержанных был задан только один вопрос:

-Кто написал Леонида Андреева?

Вследствие того, что арестованные ответили полным незнанием существа вопроса, были применены технико-психические методы, после коих студент Трясогузкин, лишившись передних зубов, на вопрос уполномоченного:

- Говори: ты, свояочь, написал Леонида Андреева?

Ответил чистосердечно:

- Я.

Это же подтвердили, каждый в отношении самого себя, студент Полуселедкин, подвешанный за хвост, т. е. вниз темячком, и студент Блудодеев, экспериментально водворенный в постепенно подогреваемую камеру - клетку. . .

*

А через сутки между обаятельным Андреем Мороз и директором-фюрером института рогатого скота произошел следующий исчерпывающий разговор по телефону:

-Директор-фюрер Самоаферр? Здорово, привет... Спасибо... Ставлю вас в известность: бывшие студенты Трясогузкин, Полуселедкин и Блудодеев чистосердечно во всем сознались. Как я предполагал, Леонида Андреева написали они коллективно.

-Этого быть не может! Каким образом?

- У нас, дорогой мой, не у вас, быстро сознаются!

Новейшая теория

Я утверждаю, что если бы все люди на земле ежедневно выпивали по литру русской водки, то, ей право, всеобщее веселие на земле да-а-авным давно образовалось бы! Не верите? Так вы, чернь земная, и современным великим гениям - вождям не верите.

Да знаете ли вы, что все великие истинные истины до того просты, что сперва кажутся большинству парадоксом или нелепостью? Что вы можете, по существу, возразить супротив моей теории? Водка вредна для организма? Ложь! Подлый капиталистический предрассудок, косность, консерватизм! С древних времен все народы и даже независимо друг от друга изобрели алкоголь и страстно к нему стремятся. Борьбу и пропаганду против алкоголизма ведут реакционные силы всего мира, жандармерия и полиция, а не широкие массы. Все значительные события в жизни общества и индивидуумов сопровождаются выпивкой. Весь мировой фольклор залит водкой. Все легенды, былины и мифы упоминают о вине, браге, пиве и ими сопровождаются.

Представительница и прислужница класса непьющих, медицина, умышленно извращает качества алкоголя, приписывая ему отрицательные свойства, в то время как сама же большинство своих лекарств изготавливает на спирте.

Классические доказательства великих, спасительных и просветительных свойств алкоголя даны опытами с пробой на яд: человека, выпившего литра полтора водки, не берет ни яд змей, ни даже бацилы холеры.

В том то и дело, что в обществе издавна существуют два юласса: пьющий и непьющий. И вся, так называемая, древняя, средняя и новая история есть история классовой борьбы между пьющими и непьющими.

Римская империя погибла не от излишеств, пьяных пиров, как это извратили историки непьющих, а именно вследствие того, что римляне стали разбавлять вино, фальсифицировать алкоголь, отступили от основ алкоголизма.

Русская монархия существовала до тех пор, пока русский народ беспрепятственно пил водку. Но как только появились реакционные „общества трезвости“ и разные либеральные модернисты, осуждавшие пьянство, монархия погибла.

Общеизвестно, что моряки всех стран пьют почти беспробудно, а крепки, смелы, здоровы и сознательны. Казачество, потомком которого и я являюсь, свое геройское самобытное и вольнолюбивое начало в значительной степени основало на вине. Возьмите Запорожскую Сечь! Возьмите герб всевеликого Войска Донского: винная бочка и на ней пропившийся до нага казак.

И не случайно в одной из любимейших народом украинских песен говорится:

Эй, наливайте-ж полные чары,
Чтоб через край лилося!
Чтоб наша доля нас не пугала,
Чтоб в свете краше жилосья!

(Перевод мой, подчеркнуто тоже мной. А. И.)

Победа алкогольного духа над косной идеалистической философией непьющих выражена в изумительной по четкости народной пословице:

„Пьяному море по колено“.

Таким образом, помимо чисто дезинфицирующих свойств, (прочистить глотку) алкоголь несет в себе духовное раскрепощение народов.

Возражения, что вот - де многие пьют, а не избавились от тягот мира, основаны на незнании алкоголистической диалектики, на непонимании одного из законов ее о переходе количества в качество. И еще: теперь люди пьют не организовано, пьют стихийно, анархично; когда же общество будет организовано и сознательно пить, тогда-то и свершится в его психологии и физиологии качественное изменение, т. е. блаженство.

Уразумев и осознав это, мы, наиболее сознательная передовая часть пьющих, должны возглавить борьбу с непьющими. Класс непьющих будет уничтожен. Диктатура алкоголиков есть первая фаза нового общества. Конечно, на первой стадии его

алкоголь будет выдаваться отдельным членам по труду, и только при полном завершении алкоголизма, когда класс непьющих будет ликвидирован, когда раскрепощенное производство алкоголя достигнет небывалых технических возможностей, только тогда каждый будет получать по его потребности. Закуска ерунда! Не в закуске счастье!

*

Проект конституции (Основного закона) Ассоциации Автономных Алкоголических Республик (А.А.А.Р.) с краткими комментариями.

1. А.А.А.Р. есть алкоголическое государство, основанное на взаимном соглашении освобожденных от анти-алкоголизма наций, стран, государств. Присовокупление новых к Ассоциации допустимо в том же порядке, как и прежних, и столь же добровольно. Равным образом, любая нация, страна, государство в любое время дня и ночи может выйти из Ассоциации.

Комментарии к ст. 1. О „присовокуплении новых“ к Ассоциации сказано, чтоб сбылось пророчество. Выход из Ассоциации надо понимать эквивалентно входу: вход какой-нибудь страны в Ассоциацию не есть буквальное (физическое) шествие этой страны под своды буквального (материального) здания А.А.А.Р., а только символическое (как, например, в поэзии сравнение „очи — звезды“ вовсе не означает буквальности, ибо, если вместо глаз у самой распрекрасной девы будут вставлены звезды, то . . . и т.д.)

II. Гербом А.А.А.Р. избирается: зеленый змий, обвивающий золотой кубок с вином, поддерживаемый Бахусом, восседающим на пупе земли, озаряемой восходящею звездой. Девиз: „Пей, под столом встретимся!“

Комментарии к ст. II. Звезда должна быть столькоконечна, сколь будет открыто частей света ко дню обнародования конституции: сим указывается идейное намерение (тенденция) сией звезды взойти (в дальнейшем) над всеми частями света и для всех с приятностью светить.

III. Все граждане А.А.А.Р. в нерабочее время должны пить водку или иные алкогольные напитки (применительно к национальности) не менее 45 градусов крепости, стремясь, однако, в будущем и работать и пить совокупно.

Комментарии к ст. III. Не принуждая всех подданных А.А.А.Р. сразу же пить беспробудно (т. е. и во время

работы) конституция подчеркивает, что некоторые передовые члены общества уже достигли одновременного („совокупного“) соединения труда с питием.

IV. Все граждане охраняются законом. Никто не может быть избит, ограблен, посажен в острог или в концлагерь и т. п. без законного на то основания. Основания несут в себе только: милиционер, сыщик и агент департамента внутренних дел, и эти основания покоятся на их (носителей) пьяной совести и пьяном правосознании.

Комментарии к ст. IV. Статья абсолютно ясна. Между прочим, из нее явствует, что „носители законных оснований“ уже достигли „совокупного“ осуществления слова, дела и пития.

V. Земля, недра, воды, леса, заводы, фабрики и панталоны принадлежат пьяному государству, т. е. всем пьяным гражданам А. А. Р., поскольку они работают производительно и получают за сие установленную государством плату. Кто не пьет, тот не работает, а кто не работает, тот подлежит изгнанию из общества с конфискацией имущества.

Комментарии к ст. V. В статье идеально выражено совпадение интересов „пьяного государства“ и „пьяных граждан“: только пьяное государство может быть справедливо и чутко к пьяным гражданам. Трезвый же пьяного не понимает, и наоборот... Изгнание из общества следует понимать не в горизонтальном, а в вертикальном плане.

VI. Торговля, особенно спиртными напитками и гробами, есть монопольное право государства. Никто из частных граждан не может ничего продавать или менять, ни содержать частных кабаков или трактиров, парикмахерских, закусочных, сапожных и иных мастерских, ни торговать семечками пустыми бутылками, старой одеждой, квасом или старыми марками.

VII. Всякие религиозные общества либо удаляются, либо отделяются от государства.

Комментарии к ст. VII. Коль скоро всякая религия есть анти- алкоголь, то, следовательно, она несовместима с идеями А. А. Р. Историей установлено, что те, кто истинно религиозен, обычно пренебрегают алкоголем. Как медицина пользуется наркотиками только при сложных операциях, но принципиально запрещает потребление наркотиков, так и

конституция А. А. А. Р. отводит религии частное место в жизни государства, и разве только при государственных осложнениях пользуется более-толяющими качествами религии.

VIII. Гражданам А. А. А. Р. предоставляется полная и всесторонняя свобода слова и печати. Каждый может писать, говорить что он хочет, лишь бы он был пьян и не говорил в пользу непьющих или супротив пьющих. Быть только пьяным недостаточно.

IX. Жилище считается неприкосновенным, и входить в него имеют право только: полиция, сыщики, следователи, агенты департамента внутренних дел, коменданты домов, комиссии по проверке, инспекторы пьяной нравственности и разбойники, поскольку последние еще не пойманы первыми и наоборот.

X. Частная собственность для граждан А. А. А. Р. допускается. Каждый может располагать: двумя металлическими стопками емкостью до 400 граммов, посудиною для вина, горшком и небольшим перочинным ножом (последний должен быть зарегистрирован в пьяном местном управлении).

Комментарии к ст. X. В противове́с прогнившему обществу непьющих, зиждущемуся на частной собственности, конституция А. А. А. Р. допускает для своих граждан самое идейно-необходимое. Да и допущенные предметы, строго говоря, не являются уже „частной собственностью“, а скорее „инструментом“. В будущем, разумеется, и перечисленные предметы будут храниться в государственных распивочных.

XI. Суд в А. А. А. Р. осуществляется гласно и публично. Однако, ясно, что публикою может считаться и сам состав Суда, ибо в нем сидят, обычно, люди, а гласностью — обмен между членами Суда пьяными мнениями.

XII. Законы сочиняются и издаются Правительством А. А. А. Р., избранным секретным, пропорциональным и наипрямым голосованием. Кандидаты в Правительство выдвигаются Партией Алкоголиков, как наиболее активной и сознательной частью общества.

XIII. Все граждане А. А. А. Р. обязаны с оружием в руках защищать свое отечество от международных акул, непьющих. Если же не окажется орудия, то драться бутылками.

Вперед к мировому алкоголизму!

Трактат о гениальности

(Опыт расового и материалистического исследования)

Кабы люди не болтались между страхом и надеждой, не уповали на Небо, но приноравливались-бы к земному, то, безсомнения, заметили бы, что жизнь их не так уж скушна и безутешна, как порою кажется всякой идеалистической повщине.

Впервые за всю историю человечества, помимо расового и материалистического разрешения всех, так называемых, „вечных вопросов“ о свободе воли, смерти, происхождении человека и т. д., в двадцатом веке мы являемся и живыми свидетелями воплощенных гениев.

Древний спор о природе, причинах и чертах гениальности, начатый доэллинской философией и обостренный в новейших веках Кантом, Шопенгауэром, Ницше, Ломброзо и Ивановским, ныне исчерпан практически, чем, кстати, подтвердилась и величайшая гипотеза марксистов-материалистов о том, что истина познается на практике. („Реальность пуддинга в его с“едении“.)

Но, видимо, по природной глупости и упрямству, не все человечество прозрело, а посему я взял на себя труд сделать этой части человечества одолжение: в кратком трактате указать ей на современных гениев, и, по пути, увековечить их философско-физиономическим портретом.

И так, приступаю:

1. Изучая события, породившие современных гениев, их деятельность, биографии, высказывания и прочее, мы прежде всего видим, что современные гении считаются большинством человечества воплощением преисподней, и, вследствие этого, самой природой поставлены в такие условия, когда они вынуждены сами заявить о своей гениальности, например, через

газеты (существование коих зависит только от этих гениев), через своих подручных, и иными публичными и добрыми средствами.

Таким образом, если бы, например, я на всех углах предъявлял права на гениальность (что, впрочем, я иногда и делаю, но, увы, безуспешно), то сие было бы абсолютным абсурдом: во-первых, я не имею собственных надцати тысяч газет (а меньше нельзя), а, во-вторых, не распоряжаюсь досужей организацией, коей мог бы повелеть сокрушать всех и каждого, усомнившихся в моей гениальности. Стало-быть, Кант, Достоевский, Платон, Сократ, Шекспир и все подобные гениями не являются.

И так, первая черта современных гениев: они материально, и довольно ощутительно, доказывают свою гениальность.

II. Гении обладают способностью выращивать темные усы. Это ясно эмпирически (т. е. из непосредственного опыта - наблюдения) и не требует доказательств.

III. Гениальность гениев официально признается большинством голосов (голосающих от страха или от восторга — безразлично), а территориально - в пределах досягаемости их, гениев, бравой полиции.

За оными пределами гении считаются дураками (абсолютными).

Из этого пункта явствует, что, почитавшиеся доселе за гениев, таковыми не являлись, за исключением темноусых, ибо первые и за пределами своего отечества не считались абсолютными дураками.

IV. При условии эквивалентности трем вышеозначенным пунктам, гении должны быть еще слегка рябоватыми. Из этого ясно:

а) не все рябые — гении, если они не соответствуют вышеозначенным трем пунктам,

б) большинство прежних общепризнанных гениев не являлись таковыми, ибо не были рябыми (Аристотель, Свифт, Пушкин, Гегель и т. д.)

V. Согласно пункта первого, гении должны неукоснительно и непрерывно напоминать о своей гениальности, а посему, по смерти их, гениальность немедленно исчезает. („Под лежащий камень вода не течет“) Это согласуется и с материалистической теорией, поскольку дух есть отрывка материи.

Ясно, что большинство прежних гениев считались таковыми по заблуждению, ибо гениальность их, в большинстве слу-

чаев, обнаружилась после их смерти, либо и после оной продолжалась.

VI. Помимо произростания темных усов и рябоватости, гении должны обладать отличными от прочих лбами. Размеры, вид их и т. п. не подлежат моему анализу: это легко и по праву каждый может сам произвести посредством измерений на фотографии. Следует лишь отметить, что никто из прежних, якобы, гениев подобных лбов не имел.

VII. Истинные гении должны отличаться от всех прочих смертных наибольшим количеством воздвигнутых их гению, при жизни и на подвластных им территориях, памятников, и наибольшим количеством покушений на их гениальные личности, совершенных разными особами из среды благодетельствованных ими народов. Ни один из ложных гениев, кроме настоящих темноусых, под этот пункт не подходит.

Примечание к пункту 7. Необъяснимое противоречие между памятниками и покушениями легко объясняется основным законом материалистической диалектики, то-есть торжеством противоречий.

VIII. Гении должны сами время от времени напоминать благодетельствованным их гениальностью народам, что жизнь последних с каждым днем становится счастливее, лучше и веселее. Бедствия они объясняют „трудностями роста“ (то-есть, выходит, несчастьями - счастья, худшестями - лучшести и горем - веселья). Обосновывать сей пункт я не вижу нужды: истинность его наглядна эмпирически (а кто не слышал и не видел, может судить по свидетельствам слышавших и видевших).

IX. Гении в прошлом должны преследоваться „за политику“, но совершить, по крайней мере, хоть один грабеж (например, почты, синагоги и т. п.). Поелику же из признанных, по заблуждению, гениев никто грабежей не совершал, то . . . и так далее. Равным образом, и мне, кроме условий, перечисленных в восьми пунктах, не достает до современной гениальности совершить грабеж (например, литературного фонда), и, поскольку я убежден в своей полной к сему неспособности, то у меня нет, не было и не будет впредь, даже слабой, надежды стать современным гением (хотя я и преследовался и „за политику“).

X. Гении не могут быть одинокими, но имеют преданных своим идеям единомышленников. Жалованье последних нес-

сколько отличается по количеству и качеству от жалования неединомышленников. Это соответствует материалистической теории Карла Маркса („Капитал“: глава „Деньги - товар - деньги“) и превосходно-расовой теории. Наконец, поскольку Бога нет, (по материалистическому изысканию), а по расовому - Он покровительствует только совершенным по крови, то единомышленники гениев ни на копейку не компрометируются повышенной оплатой: каждый, происходящий от обезьяны человек хочет кушать! А каждый — более чем человек - тем более! Кто полагает, что он произошел не от обезьяны или не превосходной крови - не должен этого хотеть.

XI. Гениальность универсальна, но особенно воплощена в военной стратегии. Принцип этой стратегии таков: бей своих, что бы чужие духа боялись! Вследствие этого, когда гений, угробив в своих острогах миллиончиков надцать овец, а на поле брани одну четверть этого, вернет впоследствии 4 хромых ягнят, затратив на каждого по сорок четыре армии, то сие есть величайшая победа.

XII. Настоящий трактат состоит из тринадцати пунктов (совершенная дюжина) и предусматривает соблюдение двух формальностей:

а) не подлежит опубликованию в пределах действия темно-рябоватых гениальностей по той причине, что не следует под явным изображением, например, чорта подписывать: „се чорт, а не коновязь“, а так-же и потому что в пределах упомянутой досягаемости, каждый достигаемый превосходно познает и ощущает описываемые гениальности, и, стало-быть, нечего ломиться в открытые двери.

б) требует от изучающих его (трактат) неупоминания фамилий темноусых гениев, ибо тем оные гении и знаменательны, что лучи их гениальности брызжут сами по себе, так что и без упоминания их имен, чинов, орденов и местопребывания, всякому, ознакомившемуся с трактатом, ясно - о ком идет речь.

XIII. Единомышленникам лиц, которым отныне единственно присвоено право и вид на гениальность, не должны беспокоиться о судьбе автора сего трактата, если он даже (по слабости таланта) допустил какие-нибудь неточности или ошибки в изложении, так как описанные гениальности, кроме всего прочего, обладают еще особым великодушием. Таким образом, если бы автор каким нибудь путем угодил в орбиту

достижимости упомянутых гениев, то был бы великодушно предан забвению (забвение, согласно материалистической теории, совпадает и с моментом смерти).

Истинно так: даже подлинные преступники не лишены лучей великодушия, как это видно из уголовных взглядов современных гениев, один из которых изрек по поводу внешних и внутренних событий, что его подданным не нужна философия, но лишь полицейские характеры,

а другой начертал в законе о судебных наказаниях, что они „не могут иметь целью причинение излишних (подчеркнуто мною). физических страданий или унижения человеческого достоинства“ (что в переводе на русский язык звучит примерно так: „Наша цель — не излишний грабеж“).

Отныне: присяжный доктор расовой
и материалистической философии

Gr. Al. de-Iwanowsky

Свидание

Мировой статистикой давно отмечено, что также, как, скажем, в Баварии ежегодно выпивается почти одинаковое количество пива, точно также весной определенно повышается всюду кривая влюбленностей. Солнцем весенним, что ли, ее разогревает, или тут физиологический закон животного царства проявляется, или еще что, но спорить с этим фактом не приходится. Вся мировая поэзия процветает на весне и любви.

Влюбился по весне 1936 года и журналист Всеволод Вячеславович Стародыхов. А человек он был женатый. И любовь его — замужняя. Но эти обстоятельства, в совокупности с весенним благоуханием природы, только усиливали чувства влюбленных. Нина Григорьевна, как и ее возлюбленный, сотрудничала в нижегородской редакции газеты в должности технического секретаря, и подчинялась непосредственно ответственному секретарю.

Среди скучного и всегда запоздалого, и всегда под диктовку свыше газетного вранья (врать от себя иногда и доставляет людям удовольствие, но нет ничего хуже, как врать под диктовку свыше), среди служебных интрижек, доносов и сплетен, любовь показала им прямо-таки спасением от всеместного отупения, и они окунулись в нее так же, как иной человек находит забвение в вине. Эта тяга к любви, как к средству (а не сама любовь, которая падает прямо с неба), есть собственное изобретение нашего века. Характеры влюбленных сошлись: оба они старались держаться подальше от помойной ямы, оба были не лишены некоторого понятия о благородстве.

А любовь, даже самая наиплатоническая, увы, нуждается в реализации. . . А за реализацию самой маленькой любви нужно драться. Любовь облагораживает человека (во всяком случае, на первых порах), и у Всеволода Стародыхова появилось стремление быть с Ниной Григорьевной искренним.

В этой искренности, конечно, много было и от оппозиции к современности, т. е. желания отличиться от большинства.

При первой возможности Стародыхов искренно и горячо сказал Нине Григорьевне:

-Никто и никогда не будет знать о наших отношениях, честное слово! Будем же правдивы хоть в этом!

Под „этим“ подразумевалось их чувство.

Нина Григорьевна это поняла, ибо была женщиной, как бы сказать, с надломом. Надлом же этот случился с ней по причине неудачного замужества: старая история — любила одного, а судьба свела с другим, с тем же, кого любила, жизнь развела безвозвратно. . . .

Однако, все эти, как теперь любят выражаться, „факторы“: надлом Нины Григорьевны, весна, совместная трехгодичная работа со Стародыховым (а территориальное положение играет не малую роль в возникновении любви) и пошлая действительность существовали и до 1936 года, а химическая реакция любви до того не совершалась. И не совершалась она по вине Нины Григорьевны, ибо Стародыхов давно был готов к восприятию этого дара. Не хватало еще некоего катализатора, который и явился на подогретую почву, именно весной 1936 года, в виде нового секретаря редакции Бориса Яковлевича Северова.

А следует сказать, что Нина Григорьевна была привлекательна. Именно не только красива лицом, печальными голубыми глазами, а вся, от головы до стройных ног, могла возбуждать страсть.

Борис Яковлевич, переведенный в редакцию из краевого исполнительного комитета и, по-первых, опечаленный переменой места (там он уже сработался с людьми, привык к делу и т. д.), узрев прелести Нины Григорьевны, сразу успокоился: „Все к лучшему!“ - радостно заключил он про себя.

Борис Яковлевич, как крупный работник, естественно, не имел времени „разводить поэтическую канитель“ с женщинами, да и не подстать ему было заниматься этим. Не им было заведено, что смазливые секретарши в учреждениях частенько обязаны были состоять в любовницах у своих начальников.

И Борис Яковлевич искренно изумился, когда, после нескольких намеков, неудовольствия и т. п., на его прямое предло-

жение — прокатиться в автомобиле за город - Нина Григорьевна ответила:

-Борис Яковлевич, я — замужем, вы — женаты, и не людского злословия, но собственной вашей совести вы должны бы бояться. А тем более, вы мой начальник.

Борис Яковлевич сразу понял, что это не больше, как „женские штучки“ или увертки или ложь: во-первых, он имел сведения, что Мосаева в замужестве несчастлива, мужа не любит, стало быть, замужество тут не при чем: и, во-вторых, претлично она знает, что начальники не аскеты, но очень даже наооборот: и, будучи уверен, что он знает сердца женщин, Борис Яковлевич не отступил. Однажды, пребывая с Ниной Григорьевной в своем кабинете с глазу на глаз, - Мосаева писала на машине, а Северов диктовал, - он тихонько поцеловал ее в соблазнительную шейку. Нина Григорьевна резко встала и вышла из кабинета. Через несколько минут она послала к нему другую машинистку, из старушек, довольно громко и ехидно сказав при посторонних:

-Борис Яковлевич в весеннем настроении, поэтому работа пойдет скорее, если он станет диктовать ровестнице.

Разумеется, это ожесточило Бориса Яковлевича, и его весенние чувства немедленно изменились на зимние. С этого дня он стал придираться к Мосаевой, и однажды об“явил ей в приказе выговор за задержку какой то бумажки. Произошло бурное об“яснение. В присутствии других сотрудников Мосаева заявила Борису Яковлевичу, что он не прав.

-Вы же сами заняли в тот день все машинки печатанием ваших преумных передовиц для газеты, и распорядились, чтобы в машинное бюро никто даже не заглядывал. . . Я отношение об отпуске в наш буфет мандаринов писала от руки. . .

Борис Яковлевич резко прервал:

-Мадам Мосаева, в последнее время вы что-то много возражать стали. Я бы советовал умерить пыл. Здесь ведь не бульвар, а государственное учреждение.

Нина Григорьевна вспыхнула:

- Я работаю в редакции четыре года и только от вас, впервые, слышу такую аттестацию. Очевидно, именно потому, что об“ясняюсь с вами не как на бульваре. . .

Само собой разумеется, все это и прочее стало известно всей редакции и даже за пределами ее. Нашлись подхалимы,

принявшие сторону Бориса Яковлевича без рассуждения, из-за одного своего усердия, но были и „идейные“, те из дам и девиц, которым довелось уже в своей жизни, волей или неволей, ублажать начальников, и эти -то возненавидели „недоτροгу“, „много себе воображавшую“, пуще всего.

В этой-то душевной атмосфере и обозначилась благосклонность Нины Григорьевны к Стародыхову. Дружба эта не осталась незамеченной ненавистниками Мосаевой, а через них и Борисом Яковлевичем. Говорят, что, узнав сие, он вслух и скотски прошипел:

-Значить, кому можно, а кому нет? Ну-ну, ла -д-но!

Сама жизнь укрепила решимость влюбленных и загоняла их чувства в подполье. Они прекратили всякие отношения в редакции, прекратили совместное посещение буфета, театров и т. п. Свидание, где-нибудь подальше от ненавистного мира шпионов и завистников, само собою напрашивалось и, наконец, было назначено в одно из ближайших воскресений.

Теперь, поскольку нам предстоит описывать первое свидание влюбленных, перейдем на иной, более к этому случаю подходящий, тон.

В музыке такие переходы не только случаются, но непременно, почему бы и нам не ввести эту умную и доходчивую манеру и в литературу?

*

Около восьми часов розового от зари и весны майского вечера, когда мир прозрачен, как в аквариуме, когда утихомириваются мелкие людские заботы, страхи и надежды; когда даже пропившийся матрос нижегородской пристани Аким замечает душевный простор нашей матушки-Волги; когда дневная сухость сменяется в сердцах горожан некоей очистительной грустью, а легкий волжский ветерок навевает запах золотого детства: . .

Вот моя деревня,
Вот мой дом родной,
Вот качусь я в санках
По горе крутой. . .

И первой любви: . .

Вечерний звон, вечерний звон,
Как много дум наводит он. . . , -

словом, когда человек и природа робко приближаются друг к другу, - в это именно время на тихую и почти безлюдную набережную, что недалеко от городского театра, вышел довольно еще молодой мужчина, с несколько утомленным лицом, остановился у запертого киоска, оглянулся на все четыре стороны, отыскивая, впрочем, неуверенно, Нину Григорьевну, посмотрел на ручные часы, и, закурив, облокотился на перила набережной. . . . Если бы мы даже не знали, то по всему поведению Стародыхова, а особенно по парадной одежде его, тщательно выбритому и намассажированному лицу, потому, как он напряженно всматривался в каждую, появлявшуюся у входа на набережную женщину, было видно, что он явился на свидание.

Первые двадцать минут он ждал довольно спокойно, но вторые уже нервно прошагал по набережной. Нина Григорьевна не появлялась! Стародыхов искренно страдал.

Через 50 минут мучительного ожидания он был взбешен. Волны злобы поднимались в нем против легкомысленности, трусости, мелочности и глупости всех людей вообще, а женщин в особенности. Он даже заподозрил Нину Григорьевну в коварстве, измене. Исчез весенний вечер, улетела в небеса музыка любви.

- И добро бы была девушка! - горячился Стародыхов. - А то ведь семь лет замужем. А я шляюсь здесь, как гимназист, озираюсь, как вор, чтобы не попасться на глаза жениным знакомым. Чорт бы взял этот дурацкий мир!

Бешенство его дошло до предела, а между тем, ему надо было бы быть именно спокойным, ибо за ним следили.

Солидно, но бестолково одетый суб"ект, несмотря на теплый день, в пальто с бобровым воротником, во внушительных роговых очках, из за которых посмеивалась пара черненьких глазок, с небольшим значком над тем местом, где полагалось бы быть сердцу (значек обозначал принадлежность к привилегированному сословию) тихонечко подошел к постовому у театра и многозначительно шепнул ему, указуя перстом на набережную:

- Обрати внимание, дружище! Подозрителен. . . .

Толчется около пристани и, кажется, фотоаппаратом орудует. . . .

Постовой козырнул значку и устремил свой взор в указанном направлении; а Борис Яковлевич - кто же способен на подобные делишки? - тушевался за угол.

Несколько минут наблюдения убедили постового, что субъект на набережной действительно странен, и он твердым шагом двинулся на набережную. Выждав, когда Стародыхов оказался к нему спиной, и, как бы выросши перед ним из под земли, постовой сурово спросил:

- А что вы тут, собственно, шляетесь, как я заметил, уже битых полтора часа?

Этого еще не хватало! Взбешенный Стародыхов, задыхаясь от гнева, ответил:

- А тебе - то какое дело? Тебя поставили на углу и стой, как столб!

Свисток! и из преисподней вынырнули еще два подручных. Постовой бросил им:

- В отделение! Обозвал меня столбом, крючком и жандармом. . . Подозрителен. . .

Добавив что-то на ухо одному из подручных, „Столб“ отбыл на свой пост у театра.

- Документы? - в один голос потребовали новоявленные.

- С какой стати? Я не грабитель с большой дороги.

- Видать, фартовый! - брезгливо ответил один из подручных.

И оба, одновременно, цепко подхватили Стародыхова под руки.

- Пошли, там с тебя спесь скоро собьют!

*

Внимательный читатель, очевидно, уже заметил, что как только наша любовь встретилась с нижегородской полицией, поэтический тон ее исчез. Недаром в Нижнем Новгороде, когда желают своему близкому зла, говорят: „Чорт тебе судья, а „крючок „свидетель

В нашем повествовании, правда, свидетелем был Борис Яковлевич, а судьей — постовой. Но от перемены места слагаемых сумма не меняется.

Благополучно дойдя до городской полиции, наше трио явилось туда не в добрый час. По воскресениям полиция во всех городах занята облавами на карманных воров по базарам, и этой публики сгоняется в отделения не счесть числа. Дежурка нижегородской полиции была набита этого рода промышленниками до отказа, и дежурный раздраженно отмахнулся от Стародыхова:

- Отведите пока в камеру, после разберусь!

В суматохе арестованного даже не записали и не обыскали. Стародыхов заметил, что тот же блюститель, который левой рукой втолкнул его в переполненную камеру, правой сунул какому то оборванцу, похожему на цыгана, бутылку водки.

-Добро пожаловать! - приветствовал новичка этот оборванец, заключая Стародыхова в свои любвеобильные об"ятия. - Просю в честную компанию!

Стародыхов не заметил, что его кошелек уже перекочевал в „золотые ручки“ цыгана и далее - в „честную компанию.“

Всеволод Вячеславович сел на край нар совершенно, как говорится, ошарашенный событиями.

Насупротив него, на грязной стене, было крупно выдолблено: „Кто не был - тот будет, кто был, тот не забудет.“

Какое то тупое безразличие и тягостная тошнота обволокли ему душу. Он как бы обмяк, хотелось грохнуться на нары и заснуть, плюнув на весь мир.

Кто - то любезно толкнул его в бок:

-Не тужи, братику, тут все безвинные сидят. Меня, вот, в краже обвиняют, а разве карман — кража? Это фокус.

Кража это когда что -нибудь тайно сопрут, а тут хозяин кармана на лицо. Не зевай! . . . А вообще, на-ка, дербалызни, по случаю новоселья!

В руке Стародыхова оказалась жестянная кружка.

- Коньяк: „Череп и две косточки!“ Все беды и скорби, как рукой снимает!

Стародыхов тупо оглядел камеру и, не отрываясь, опорожнил кружку. Но едва он оторвался и вдохнул в себя воздух, ужасный кашель чуть не задушил его.

-Воду! Воду пей! Не дыши, мать твою поперек! - кричали со всех сторон из „честной компании.“

Всеволод Вячеславович тяпнул еще кружку воды, и без сознания распростерся на нарах.

*

Растолкали его уже за полночь на допрос. Придя в себя, Стародыхов ужаснулся: вместо лаковых полуботинок, на одной его ноге был лапоть, а на второй - нечто, вроде худого решета; вместо костюма — полторы штанины, даже галстук исчез.

Камера наполовину опустела, оставшиеся храпели богатырским сном.

- Меня здесь раздели, - заявил Стародыхов пришедшему за ним надзирателю.

Тот сонно ответил:

- Не надо было зевать, теперь ищи -свищи. Ладно, идем к дежурному, там заявишь. . .

Дежурный едва успевал отмахиваться от телефонных звонков и звонил сам направо и налево. Отвечая в трубку и глотая колбасу без хлеба, дежурный накинулся на Стародыхова:

-По какой бегаешь?*1)

Всеволод Вячеславович ничего не понял.

- Да ты не темни, а то я тебе живо кендюхи отобью! Давно к нам приехал?

- Я работаю здесь уже восемь лет.

- Чего работаешь?

-Я журналист.

Дежурный окинул Стародыхова с головы до решета с лаптем.

-Оно и видно, что журналист! Я таких журналистов сегодня полтора года человек пропустил.

Стародыхов рассердился.

- Если вы хотите о чемнибудь спрашивать, то занимайтесь делом серьезно. Я вам не бродяга, и нечего тут смеяться надо мной. Я местный журналист Всеволод Стародыхов - наверное сами читали в газете, - каким то ослом задержан на набережной, а здесь меня в камере раздели, вот и все.

Дежурный стал что-то припоминать, потом отыскал в столе какие то бумаги, бегло прочел их и сразу переменял тон:

-Ага, ну так бы сразу и сказали! Дело яснее ясного. . .

-Ткаченко, - крикнул он кому-то в другую комнату, - задержанного Стародыхова раздели в камере, сбегай проверь! Так вы желаете официального допроса? - обратился он к Стародыхову.

- Конечно. Я прежде всего заявляю протест против бесчинств, творящихся здесь у вас!

Дежурный достал лист „допроса обвиняемого.“

*1) На воровском жаргоне: какой воровской с пещальностью занимаешься?

- Скажите, пожалуйста, гражданин Стародыхов, для чего и с какой целью вы бродили по набережной с восьми до половины десятого?

-Позвольте, это место для прогулок. . .

- Нет, все-таки?

-Я ожидал одного человека. . .

-Кого именно?

Стародыхов, не задумываясь, ответил:

- Я не могу, не желаю этого рассказывать! Это мое личное, интимное дело.

Дежурный терпеливо все записал.

-Отлично. Проверьте. Проверьте и распишитесь. Больше от вас ничего не требуется.

Стародыхов расписался и, смягчившись, сказал:

- Прошу сообщить моей жене о моем состоянии. . . В таком виде итти по городу. . .

Дежурный аккуратно сложил протокол, убрал в стол бумаги и, закурив, зевнул.

-А вы не пойдете городом. Побудете пока у нас до разбора вашего дельца. А затягиваете разбор вы сами, раз не желаете чистосердечно отвечать на вопросы.

- Я уже сказал, что не обязан отвечать на вопросы, вас не касающиеся. И вы не имеете права рыться в моей интимной жизни! Это не ваше дело.

- Ну и ваше освобождение — тоже не мое дело. Посидите в камере, может быть, надумаете чтонибудь. . .

Чины нижегородской полиции, как и всякая чернь на земле, не простили Стародыхову его „благородного негодования“, реплик „столб“ и „осел“: Ткаченко, посланный проверить в камеру дело об ограблении Стародыхова, сообщил „честной компании“, что их сокамерник „капнул“ на них, и, когда, возвратившись с допроса, Стародыхов прилег, его чем то накрыли и безжалостно избили.

*

Дней через семь Стародыхова перевели в нижегородскую тюрьму.

Еще в полиции, через освободившихся пьяниц, он связался с женой и получил от нее продукты и одежду. Обретался он теперь в приличной камере, т. е. в среде более или менее интеллигентной. Но дело его двигалось медленно. Жена Стародыхова обращалась за помощью в редакцию, но Борис Яковлевич уклончиво ответил:

- Не знаю, в чем вина вашего мужа, но лично мне он всегда казался чуждым нам человеком.

Под словом „нам“ надо было понимать общество.

На допросах у следователя Стародыхов попрежнему отказывался „размазывать интимные подробности своей жизни“, и первое время выходил из себя.

Так прошло еще полтора месяца. За это время Стародыхов не только успел „кое о чем подумать“, но во многих чертах своего характера резко переменялся. Недаром говорится в пословице: „Хочешь узнать положение в стране, загляни в тюрьму“.

Он стал угрюм, задумчив и рассеян.

И, вдруг, в конце второго месяца, об“явил „смертельную голодовку“. В заявлении он требовал „прекращения издевательства“.

Получив это заявление, следователь, давно заметивший странную перемену в подследственном, решил, что Стародыхов „малость тронулся“, и распорядился о переводе Стародыхова в тюремную больницу для судебно-психиатрической экспертизы. Такова была формальная сторона дела. А, в сущности, действовал все тот же талантливый Борис Яковлевич. Внимательно наблюдая за положением дела Стародыхова, он основательно предполагал, что в один прекрасный день Всеволод Вячеславович, точимый тюремной обстановкой, может плюнуть на свое благородство и открыть истину со свиданием. Он также отлично знал, что Нина Григорьевна знает, кто истинный виновник ареста Стародыхова. Поэтому - то в дружеской беседе со следователем, как бы беспокоясь о судьбе своего сотрудника, Борис Яковлевич решительно настаивал на психической ненормальности Стародыхова, будто бы замечаемой им и до ареста Всеволода Вячеславовича. Борис Яковлевич рассчитывал, что если даже врачи не признают ненормальных вывихов Стародыхова, то все таки он уже будет скомпромитирован, и таким образом, после его освобождения, опасность серьезного скандала исчезнет.

Однако, попав в камеру ненормальных, Стародухов до того ужаснулся коварности своих преследователей, а, главное, возможности в самом деле рехнуться, что немедленно снял голодовку и написал полное раз“яснение своего любовного процесса.

Его перевели обратно в нормальную камеру, а еще дней через пять вызвали к своему следователю.

Всеволод Вячеславович полагал, что его ведут на очную ставку с Ниной Григорьевной. Неприятно ему было „ронять свое благородство“ в глазах возлюбленной, но он надеялся на великодушие Мосаевой, надеялся, что он убедит Мосаеву. Он старался уверить самого себя, что их отношения со временем опять наладятся, понятно, не без усилия с его стороны.

Но каково же было потрясение Стародыхова, когда его ввели в камеру следователя: тут собралась целая ассамблея — рядом со следователем восседал, держась по свойски, Северов, - заметно было, что и он и следователь слегка „пропустили“. В углу комнаты сидела похудевшая и какая - то совсем чужая Нина Григорьевна, а у стола, нервно перебирая сумку, жена Стародыхова. В другом углу, играя жевлаками, согнулся муж Мосаевой.

При появлении Стародыхова, следователь весело воскликнул: -Ну, вот и наш несчастный любовник!

Борис Яковлевич гаденько хихикнул и метнул взгляд сперва на Нину Григорьевну, потом на ее супруга. Следователь, заметив гневный взгляд Стародыхова, поправился:

- Не удивляйтесь, дорогой, вы сами так запутали дело, что вынудили меня на это общее собрание семейств. Ничего не попишешь!

Стародыхов, едва сдерживаясь, спросил:

- Но для чего здесь посторонние? Что это насмешка, унижение?

Следователь сотворил изумленное лицо:

- Это кого же вы, собственно, обзываете посторонним?

- Ну, хотя бы мою жену и . . .

Однако, супруга Стародыхова не дала ему закончить. Вскочив со стула, презрительно плюнув и злобно сощурился, она затараторила:

- Премного благодарю вас, Всеволод Владиславович! Да, уж теперь, действительно, я вам посторонняя. Еще бы! Вы нашли себе более приятную пташку. . .

Она повернулась к мужу Мосаевой:

- Вы, как видно из слов гражданина Стародыхова, тоже из посторонних? Это на вас, поди, он намекал после „и“?

Страшно побледневшая Нина Григорьевна крикнула:

- Прекратите эту оскорбительную и истязательную комедию!

Я не желаю выслушивать скотские взвизги этих. . . этих. . .

Борис Яковлевич, нагнувшись к следователю, ехидно хрюкнул:

- Она права, права! Неприятно же все это выслушивать. Вот если бы. . .

Все повскакивали со своих мест. Грязный скандал с разжигающими замечаниями, буквально потирающего руки Бориса Яковлевича, дошел до того, что следователь вынужден был пригласить из коридора конвой.

*

Дня через четыре Стародыхова освободили, Он даже не зашел в свою прежнюю квартиру, твердо порвав со своею супругой.

Муж Нины Григорьевны бросил ее еще раньше.

В день грязного скандала несчастная Нина Григорьевна, почти без средств, выехала из Нижнего Новгорода, никому не сказав — куда.

Стародыхов стал изрядно выпивать, и, в конце концов, говорят, совсем сбился с панталыку.

Начало

W. B.

-Нет, господа, откуда бы в конце концов ни возникала любовь - из некоего ли „физиологичесюого центра“ распускается она пышным садом черемух и лунных сонат, или она — благоухание души, а все прочее - как бы золотая рамка, — любовь, может быть, единственная путеводная звезда наша, и благородный лик ее нисколько не загрязнен даже теми мизантропами, кои пытались унизить ее сравнением с любовью у животных. Привязано ли солнце ниточкой к другим мировым системам и светит нам, свершая свое круговращение по законам математики, или оно — свет Высочайшего Разума, - оно велико своей животворящей силой и не блекнет от мудрствования лукавого.

-А, главное, не охладевает даже при рождественских морозах и не боится выстрелов, - невинно заметил местный художник Ш. Гости дружно и, как бы сказать, залпом расхохотались.

Дело происходило о Рождестве, часу во втором ночи, в холостяцкой компании профессора С., не утратившего своей «старорежимной» слабости к гостеприимству ни за двадцать четыре года новшеств, ни за два года фашистской оккупации. Правда, многочисленные гости его захватили „чего Бог послал“, и стол получился изумительным по разнообразию явств и, особенно, по части вин домашнего и иного изготовления. Понятно, все должны были пребывать у хозяина до утра, - ночное движение по городу воспрещалось. Очевидно, имело влияние выпитое, когда хозяин, к общему удовольствию, попытался было „научно определить любовь“, а художник Ш. прервал его своим замечанием. Смеялись тому, что художник попал своим замечанием, вместо любви, в солнце.

-Господа, раз уж Владимир Родионович перебил, потребуем, пусть он расскажет; и непременно, о своей первой любви! — с азартом, словно она Бог вещь что изобрела, предложила пианистка городского кинематографа, к тому же - старая дева.

Когда утихли восклицания, одобрения, требования и поощрения, профессор С., наполнив бокал Владимира Родионовича, воскликнул:

-Господа, кстати, Владимир Родионович восстановит нашу старинную традицию! Поелику впервые, после долгого перерыва, мы посетили сегодня храм Божий, и хоть в этом пункте как бы возвращаемся к доброму старому времени, восстановим и одну из основных наших традиций. . .

Дело в том, что в нашей холостяцкой компании издавна было заведено, что бы каждый, допущенный в нее, новичок непременно поведал о своей первой любви. Мы считали, что характер человека обнаруживается не только в азартной игре или, как утверждал мудрейший Ф. М. Достоевский, в смехе, но наиболее выпукло именно в цветении первой любви.

Торжественно вручая бокал Владимиру Родионовичу, профессор С. с ироническим вздохом обратился к нему:

-Ничего не напишешь, батюшка, придется рассказывать. . . Благо, компания честная. Прошу!

Владимир Родионович осушил бокал, в раздумьи закурил свою небольшую труочку, откинул живописные кудри и негромко начал:

-Видите ли, милостивые государи мои, по некоторой причине я даже рад рассказать, и именно сегодня, эту историю, свершившуюся всего год тому назад и возымевшую на всю мою жизнь чрезвычайное влияние. . . Не ручаюсь, чтобы она была особенно занимательна. . . Впрочем, приступаю к сути.

Художник Ш. зажег потухшую трубку и продолжал:

-В 19. . . году я заканчивал в столице студию живописи. Товарищами моими по студии были все люди остроумные, душевные, как бы сказать, „с чаадаевщиной“, талантливые и по-русски широкие от края до крайности. Нас знали почти все столичные корифеи искусства и литературы, а некое министерство в оба надзирало за нашими похождениями. Нас называли „флибустьерами в живописи“, богемой и т. п. Мы не пропускали почти ни одной выставки и хвалили. . . рамы. Наши крылатые замечания и карикатуры молниеносно распространялись среди московских живописцев и любителей. В общегитии для работы было тесно, и мы отвоевали себе никогда не действующие душевые комнаты при уборных, и обосновали в них свои мастерские. Поэтому-то, когда одному из наших

товарищей, студенту М., об“явили об исключении из студии, он с полным правом ответил дирекции:

-Этим вы меня только всего-навсего выгнали из уборной на свежий воздух.

Нашу студию охотно посещали иностранцы и всевозможные экскурсии, а однажды заглянул посол некоей могущественной страны. Он был буквально поражен нашими работами. Указывая на один из моих пейзажей, он взволнованно сказал своему коллеге: „Это же колоссальный талант.“ Наша администрация поспешила заверить господина посла, что авторам этих работ государство и общественность создают все необходимые условия для творчества. . . А я стоял тут же с заплаткой на брюках. . .

На следующий день я захватил с собою похваленный послом пейзаж и явился в посольство. Посол принял меня более чем радушно и предложил за картину большую сумму. Я отказался.

-Вы были первым человеком вполне оценившим мой талант, и это для меня высшая плата! - заявил я.

Посол заказал мне свой портрет с фотографии. . . Через месяц мы вотрет лись с ним совершенно случайно в музее западной живописи. Он пригласил меня к себе отобедать. Вечером меня доставили на его машине к. . . моей уборной.

В ту же ночь я был арестован.

*

Помимо вышерассказанной истории о моих“сношениях с иностранным государством в ущерб мощи отечества“ в качестве обвинения фигурировала моя картина „Мордовский базар“, на которой, по мнению разследователей, были изображены „нищета, забитость, серость и безысходность жизни этой национальности под гнетом действительности“. Кроме того, при обыске, у меня под подушкой обнаружили Бакунина, Макса Штирнера и Ницше: „Так говорил Заратустра“, и я был сопричислен к анархистам и крамольникам.

Через несколько месяцев я был отправлен на каторжные работы в концетрационный лагерь для отбытия десятилетнего заключения.

Это был обыкновенный лагерь в тайге с-50 тысячами заключенных. Состоял он из пяти рабочих пунктов, и шестого - „свалки“, куда со всего лагеря сваливали отработавшихся:

слепых, безногих, чахоточных, истощенных, сумасшедших и т. п. Я попал в первый рабочий пункт. Первое мое впечатление было таково: из барака, куда меня привели, заключенных выгоняли на работу, дежурные надзиратели раздавали колотушки направо и налево.

-А ну, ты, чорт, чего лежишь? Сердце болит? - орал чуваш-надзиратель, таща с верхних нар за ноги какого-то старика. Старик грузно падает на пол, оказывается он давно уже мертв.

Я не буду вам описывать условия труда, - через две недели работы на лесоразработках я угодил в "свалку", в больничный барак.

Меня принесли туда ночью и положили на место только что умершего. Я непременно составил бы компанию моему предшественнику, если бы моим соседом по койке не оказался некто Леонид Владиславович Лявданский, с которым я с первых минут подружился. Подобно женам декабристов, его супруга последовала за ним и обосновалась в деревне, неподалеку от лагеря. Вследствие этого под койкой Леонида Владиславовича покоились два огромнейших чемодана со всевозможнейшей снадью. С момента нашей дружбы, содержимое их стало исчезать в три раза быстрее: ел я за двоих. •

Дней через десять я уже мог ходить и даже смеяться, читая моему другу Свифта. Мой друг, по причине общего полиневрита, был недвижим.

Итак, я попралялся. В дружеских беседах быстро проходили дни, но свет их омрачался предстоящей выпиской меня из больницы на лесоразработки.

Как-то раз, когда я развивал Лявданскому свои взгляды на гипноз и оккультизм, к нам подошла лагерный врач Анна Севастьяновна, чтобы сделать моему другу какой-то укол. Я умолк, но так как наше молчание было неудобным, сказал, чтобы что-нибудь сказать:

-Анна Севастьяновна, у вас на подбородке два прыщика. . .

Едва она ушла, Лявданский набросился на меня:

-Вы заставили покраснеть бедную девушку!

Я вопросительно глядел на него.

-Ведь вы на что намекали ей? Нужно-де выходить замуж. . .

Только теперь я понял всю неостроумность моей фразы.

-А, впрочем, - ответил я Лявданскому, - здесь все сестры и врачи так развращены, что ни прибавлять, ни убавлять здесь нечего.

-Нет, не скажите, — серьезно возразил мой друг. -Как раз Анна Севастьяновна — благороднейшая из девиц. И она вовсе не заключенная, а на практике.

Нужно сказать, что я никогда как следует не присматривался к Анне Севастьяновне, хотя и заметил одним глазом, что она красива.

Замечание Лявданского меня заинтересовало . . .

В нашей палате дежурил один пренеприятный санитар - мизантроп, доносчик, сплетник, некто Филлов. В тот же вечер я нарочно разговорился с ним о распущенности персонала. Филлов, позевывая, заявил:

-Да что и толковать, все они у нас потаскушки . . .

-Ну, а Нина Ивановна, Валя, Анна Севастьяновна? - спросил я равнодушно.

-Да вот, разве только Анна Севастьяновна . . . Эта, верно, соблюдает себя . . . Но уж и гордая за то . . .

Я твердо решил при первом удобном случае исправить свою ошибку.

На следующий день я дождался, когда Анна Севастьяновна при осмотре больных зашла в ту часть нашей палаты, где лежали тихо-помешанные, и, так сказать, наедине, от всей души извинился пред нею за вчерашнее. Но, кажется, только теперь она придала моему вчерашнему замечанию тот оттенок, о котором говорил Лявданский, и я оказался в еще более глупом положении.

Анна Севастьяновна покраснела и, не оставляя пульса больного, пристально поглядела на меня. В этом глубоком взгляде было уже нечто большее, чем любопытство. И снова нагнулась к больному.

Я грустно сказал:

-Прошлой ночью я видел вас во сне . . .

-Каким образом? - Она снова чуть-чуть покраснела, снова внимательно всматриваясь в меня.

-А вот там, - указал я через окно на дальний молодой лесок с опушкой и речкой, - будто мы с вами рвали цветы, бродили по лесу . . . и стали добрыми друзьями . . .

Анна Севастьяновна опустила голову, задумавшись. И когда она ее подняла — страшную внутреннюю борьбу и скорбь прочел я на ее лице. „Эта девушка однажды обожглась в своей жизни“ — мгновенно заключил я. Мне стало ее очень жаль.

Как бы в полусне она провела рукою по своим черным волосам и тихо проговорила:

-Может быть, этот сон и выполним. . . Только не в полной мере. . .

Эта „полная мера“ кольнула меня. Я тихо взял ее руку в свою.

-Вот вам моя рука, рука друга, и да будет отныне честное слово нашим ангелом-хранителем!

Анна Севастьяновна задумалась, и вдруг, взяв с тумбочки мензурку с витамином С, лукаво улыбаясь, протянула ее мне:

-Выпейте, Владимир Родионович, на счастье!

Я выпил, как рюмку доброго вина:

-За честь и благородство!

Анна Севастьяновна кивнула мне и ушла. . .

Да, кстати, я ничего не сказал о внешности и характере ее. Помните вы, господа, серовскую „Девушку в лучах солнца“? Прибавьте к этому царственную походку и классическую завершенность форм тела — это будет отдаленным сходством с Анной Севастьяновной. Лявданский именно за эту твердую и в то же время покойную походку прозвал Анну Севастьяновну королевой. Она была застенчива и целомудренна в каждом своем слове, но за всем эти я чувствовал вулкан.

Происходила она из казачьей семьи и на диво была ладна и крепка. Глядя на нее, вы смело поручились бы, что дети Анны Севастьяновны не будут иметь нужды в диете и компрессах.

В концентративный лагерь Анна Севастьяновна была направлена по окончании медицинского института. Но я, кажется, отвлекся. . .

Итак, наше чувство родилось и прошло первое испытание. Время и обстановка в некотором роде помогли нашей дружбе.

*

С началом военных осложнений, в лагере расстреливали за невыход на работу, за малейшее слово протеста. Шпионаж, слежка за заключенными и за служащими из вольных, доносы

грабежи, истязания, голод — вот тот воздух, что крепил нашу дружбу с Анной. . .

К тому же со дня на день мы должны были расстаться. . . То, что мы не успевали или не могли сказать, мы писали друг другу. Но, конечно, Анна Севастьяновна была женщина, а этому прекрасному полу логика не всегда свойственна. . . И вскоре между нами пробежала черная кошка. Вот мое письмо по этому поводу, я помню его наизусть.

„Анна, я уже говорил тебе, что весь мир против нашей любви. Не Ромео и Джульетой должны мы быть, но добрыми солдатами в дружбе нашей. Наша любовь родилась на бревнах, и мы должны превозмочь все, ибо мы хотим невозможного. Я поклялся тебе, что ничего не совершится без твоего желания. Но пусть смелыми станут твои желания. Ничто не поражает так дружбу, как ложь. Я говорю это потому, что ты вчера солгала мне, нашему чувству. Разве то, что я хотел поцеловать тебя, не есть душевейшее желание нас обоих? Это первая ржавчинка на нашем цветке. Ты теперь же должна решить в своем сердце: покоится ли твое чувство на светлой дружбе, или оно только кокетливое тяготение? У нас достаточно внешних врагов и препятствий, чтобы прибавлять к этому еще и нашу ложь. Это вопрос твоей жизни и чести, и хватит ли у тебя сил, - решай же мой друг!“

Два дня я дулся на Анну из-за этого несостоявшегося поцелуя, и хоть я заметил, что она за эти дни разительно побледнела, не хотел первым приблизиться к ней.

На третий день, поздно ночью (она дежурила), когда все спали, она пришла сама и села на край моей койки.

-Я сознаюсь, Владимир, я поступила нехорошо. . .

-Ты должна еще добавить, что более не поступишь нехорошо.

Она закрыла глаза, тихо вздохнула и ответила:

-Но я не могу выполнить твоего желания, честное слово! Даже во имя нашей любви.

Кровь ударила мне в виски от бешенства. „Она смеется, она пришла, чтобы еще раз унижить меня. Полукровка и трусливое создание, ей ли драться за любовь?“

Никогда за всю жизнь я не был так ошеломлен удручен и, если хотите, обижен и опустошен. Даже разлука не подействовала бы на меня так убийственно, как этот ее ответ. Несколько минут я не мог придти в себя. . . И вдруг злобная решимость проникла в мою душу. - „Хорошо, - решил я про себя. - Сделаем экзамен вашей любви, Анна, свет-Севастьяновна.“

Я взял себя в руки и саркастически сказал:

-Я дарую вам, Анна Севастьяновна, ваш драгоценный поцелуй, да не осквернятся уста ваши моим низменным желанием. Но я попрошу вас об одном одолжении: выслушайте меня, пожалуйста.

-Я слушаю, - шопотом ответила Анна. Она сидела, низко наклонив голову.

-Я не потребую от вас, и в этом честное слово, более того, что вытекает из логики наших отношений и желаний. Скажите, наши отношения и их причины отличались, были иными, чем ваши и мои отношения, ну, скажем, к Лявданскому?

- Отличаются, Владимир.

-Мы любим друг друга, ведь так? Это суть отличия? Или это всего - навсего ваше девичье кокетство?

Анна подняла на меня свои глаза, полные слез. Я пересилил себя и в том же духе продолжал:

-Поберегите, сударыня, ваши слезы до более печального случая. Отныне я взял на себя роль вашего судьи, как некий любовник из бальзаковской „Герцогини де-Ланже“.

Анна вздрогнула и вытянула вперед руку, как бы защищаясь от несчастья.

-Ради Бога, Владимир! - вырвалось, казалось, из самой глубины души ее.

Она положила свою руку на мою, но я резко отстранил ее.

-Вы обещали выслушать меня. В вышеупомянутой любви вы -девушка, а я мужчина. И первое особенное (я подчеркиваю) мое или ваше пожатие руки уже таило в себе следы обладания друг другом в будущем. Правда, большинство человечества, во всяком случае его мужская часть, обходится в своих любвях без этого „естественного пункта“. Но увы, я так аномален, что мне почему-то кажется, что я непременно до этого пункта в наших с вами отношениях дошел бы. Сознаюсь, грешен, были у меня такие мечты. . . Ну-с так вот, Анна Севастьяновна, поскольку, как видите, „естественный

пункт“ прямо вытекает из логики любви, то я, взамен отнятого вами у меня поцелуя, намерен просить вас: согласны ли вы уступить мне этот естественный пункт?

Анна встала и твердо ответила:

-Я не потому уклонилась от твоего поцелуя, что я кокетничала или не желала его так же, как и ты. Нет, Владимир, но я дала себе слово, что первый поцелуй наш будет, когда ты станешь свободным.

-То-есть через 10 лет? Поистине благороднейшее решение, но не будет ли слишком поздно? Ась?

В этот момент санитар Филов заглянул в палату, ехидно усмехнулся и исчез.

-Владимир, нам нельзя продолжать разговор. . . Через час я принесу тебе письмо, встречай меня в коридоре, и ты все узнаешь. . .

Она обошла несколько больных и ушла. . .

Ровно через час я получил письмо и, заложив его в книгу, лежа прочитал:

„Владимир, я понимаю твое негодование, но ты иногда больше руководишься разумом, нежели чувством. Ты не прав. Шагать назад мне уже нельзя. . . Но к делу. Через несколько дней (может быть через два) намечено всех осужденных за политику отправить на какой-то остров. По некоторым признакам я подозреваю, что это равно смерти. Временить нельзя. Завтра в ночь тебе следует бежать. Согласно здешним приметам, мятель и снегопад продержатся еще несколько дней. Это облегчит твое дело. План таков: ночью, когда все уснут, ты выйдешь из барака черным ходом, дверь будет отперта. Направо от выхода, под пустой бочкой, будут лежать: одежда, питание, инструмент для проволоки и все крайне необходимое. В кармане брюк ты найдешь ключ, которым ты опять запрешь черный ход. Ты сделаешь лазейку в заборе, как раз напротив черного хода. . . Я буду ждать тебя с 11 часов ночи на той опушке, на которой мы стали друзьями в твоём сне, в центре, у единственной большой ели. Несколько пояснений: часовой, который будет дежурить на угловой вышке с 11 до 1 часу ночи, знает все. Это тот парень, что пьяный избил своего командира, и должен был быть отправлен на фронт. Он симулировал болезнь, я разоблачила его, ему грозил расстрел. И вот мы с ним пришли к соглашению. . .

Собственно он ничем не рискует: тебя не хватятся, по меньшей мере, до рассвета, а за это время сменятся три часовых...“

Далее следовали детали. Тут же было приложено письмо к брату Анны, проживающему в Ейском районе, у которого я должен был отдохнуть и обдумать дальнейший путь.

Как видите, Анна Севастьяновна много потрудилась.

Должен сказать, что побег за черту лагеря — вещь в зимнюю вьюгу не особенно рискованная. Но дело в том, что дальнейший побег без посторонней помощи невозможен. Бежать по дорогам, понятно, безрассудно, а без лыж лесом и шагу ступить нельзя из-за глубокого снега. Наконец, нужны одежда, питание, карта, компас и т. п.

Разумеется, на следующий день я вручил Анне свое радостное согласие.

*

К вечеру мятель перешла в жестокий буран - в двух шагах ничего нельзя было разобрать. Любовь и Свобода были верными друзьями в моем предприятии. А смелому и влюбленному, да в рождественскую ночь и Господь благоволит.

Я не стану утомлять вас подробностями, этого без труда удавшегося мне, дела. . . Около полуночи я был уже на пути к дорогой опушке. . . Я отыскал старую ель, — бедная Анна трепетала под нею, очевидно, от холода.

-Вот лыжи, Владимир, - дрожа проговорила она. -Сейчас ровно 12 часов . . .

Я обнял ее. . . С угловой вышки донесся выстрел. Видно, „наш“ часовой струсил. . . Но губы наши не расставались еще несколько секунд. . . Вдалеке залаяли овчарки. . .

-Спешу, Володя! До светлого свидания! Не тревожься за меня!

Мы еще раз крепко поцеловались. . . Я тронулся. . . Где-то позади раздался залп винтовок, послышались свисты пуль. Когда я оглянулся, мне почудилось, что Анна тихо опустилась на снег. . .

Золотой орешек

. . . У трухлявых ворот сидит человек . . .

Стары ворота, и стар человек . . .

Сидит старик на земле, поджав одну и вытянув другую ногу, на старенькой гармонике, со стертой надписью: „Покровителю искус. . .“, играет старенькую, давнюю песню . . .

По дороге- шоссе проходят мимо старика - в жизнь и мимо жизни - богатые и бедные, сильные и слабые, молодые и старые, добрые и злые — всякие и невсякие. Не замечают старика, замечают необычайность со стариком: гармонику у старика . . .

Из калитки ворот высунулась старуха — простая, добродушная старуха — смотрит на старика и печально улыбается: выпил старик.

Сядет старуха рядом со стариком, мягко отберет у него гармонику, достанет из заткнутого фартука безконечный чулок — и никто их не заметит . . .

А шестьдесят лет тому назад говорила эта шестнадцатиполовинолетняя старуха этому девятнадцатилетнему старику:

- Нет, Никушка, мамочка у нас добренькая, добренькая! И совсем, совсем не злая! Мамочка поругала меня вчера за . . . гулянье, а сегодня, когда взгрустнула я вечером, прижала к своей груди (и кофточка у мамочки пахнет мамочкой!) и пожалела: „Ну, иди уж, моя резвоножка, побегай по воле, только не очень долго“ . . .

- А я разве не жалею тебя? Лосеночек ты мой малюсенький! И я ведь тебя крепенько, крепенько люблю . . .

И Николай ладонями сильных рук, сжимает личико девушки, и целует в височек, там, где трогательно бьется бирюзовая жилка.

И глаза у обоих честные и солнечные!

А мощный Июнь водопадами ив, фонтанами берез и фейерверками сиреней встречает их светлую любовь!

А древний ветер-Страдолюб нежно перебирает волосы их хрупких головок.

Глаза незримых оленей из чащи лилей и черемух, мурлыканье рек и вальс чародейки - луны.

А любопытные Эльфы, порхая, поцелуями легкими будят ночные цветы, а те, улыбаясь спросонка, свирельствуют песню цветов ароматной.

А мир золотым орешком качается в сеточках их голубых мозгов!

А дьявол, закутавшись в демонский черный плащ свой, уходит в пещеры - на север пустынный, где нет ни цветов, ни весны, и там жевлаками играя, скорбит над вечным вопросом Любви - победительницы. . .

А.

Эй! Кто там? — Занавес!

Шестьдесят лет, шестьдесят лет прошли. . .

.
.

Соблюдайте

Правила

Уличного

Движения!

1933 - 1947

Послесловие

Рассказ „О вреде книг“ «посвящается» деятелям некоего бюро-труда (г. В. и др.), а так-же чиновникам: Н. Р., А. Б., и их подручным, считающим литературу „частным делом. . .“

Эта книга набиралась в немецкой типографии, в которой никто не знал русского языка, хотя, нам кажется, книга имеет некоторое отношение к русской литературе и интересам эмиграции. В следующей нашей юмористической книге мы намерены рассказать о многих наших милых соотечественниках - типографах;

о том, как некий полицейский фон-усердно-холуйствующий тоже свою несчастную руку приложил к тому, что-бы задержать печатание книги;

далее, подобно Джонатану Свифту, мы предадим стыду, смеху и вечному позору мизантропию, деспотизм, бюрократизм, интернациональное холуйство, плутовство, ханжество, трусость, демагогию, черствость, азиатскую сумасбродность, без“идейность, лихоимство, веронетерпимость мещанское суеверие, грубость, бесчестие и иное, в эмиграции, да и вне оной, произрастающее.

Наконец, мы опишем всевозможные смешные истории, историйки, заведения, идейки, положения, всяких благодетелей, которые „яйца варят, а бульон нищим раздают“. И все это сделаем с прибавлением философского и иного экстракта.

Наша юмористическая книга будет называться: „Благодетели по сю сторону.“

Автор.

Оглавление

Бессмертие	5
Проблема привидений и проч	13
Саучай в восточном полушарии	17
Судьба	20
Тараканьи бега	27
Штаны, подтяжки и закон причинности	37
Возмущение страстей	46
Будильник	53
О вреде книг	57
Новейшая теория	63
Трактат о гениальности	68
Свидание	73
Начало	85
Золотой орешек	95
Послесловие	97

Права сохранены за автором

Gr. Al. de - Iwanowsky

Immortality

(Humour, Satire and pure Art)

1947

**P u b l i s h i n g - h o u s e „ L i g h t “
Munich**

**Printed under permission of Control Branch
Military Government for Great Hessen**

Цена 10 мар.

Druck: J. M. Beck'sche Buch- und Kunstdruckerei, Herborn (Dillkreis)